

Татьяна Простомолотова—стахановка Ореховского торфопредприятия. Она руководит бригадой, работающей на сушке торфа. 250% нормы—таковы показатели бригады Татьяны Простомолотовой.

Фото Р. Лагранжа

ФРОНТ И ТЫЛ

СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ вражеских самолётов сбили вдвоём советские асы — дважды Герой Советского Союза гвардии капитан Григорий Речкалов (слева) и Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Андрей Труд. Оба лётчика участвуют в войне с самого начала, вместе прошли большой и славный путь со своим полком.

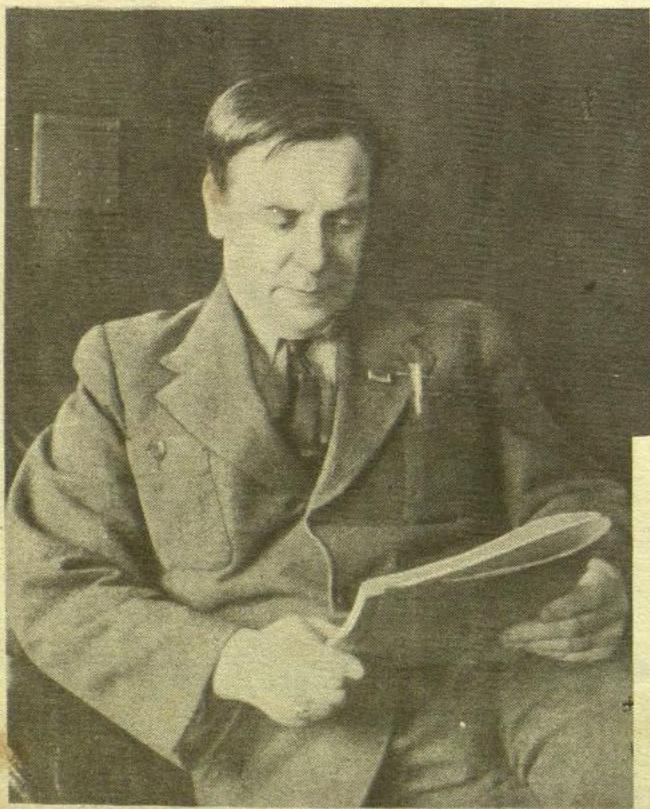

«ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ». Во Дворце культуры Автозавода имени Сталина были вручены медали «За оборону Москвы» группе трудящихся Пролетарского района столицы. На снимке: генерал-лейтенант Д. А. Журавлёв вручает медаль бригадиру молодёжной бригады Автозавода З. П. Косыченковой.

ЗНАТНАЯ ТЕЛЯТНИЦА Рубежинского мясо-молочного совхоза (Чкаловская область) Ксения Лебедева за 4 года вырастила 1200 телят. Наркомат совхозов РСФСР премировал тов. Лебедеву коровой.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА разведчик Иван Календюк много раз ходил в глубокий тыл врага, доставлял «языков» и ценные сведения. Гвардии старший лейтенант Календюк уничтожил более 180 гитлеровцев.

ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ ФИЗИК академик Пётр Леонидович Капица в связи с 50-летием со дня рождения награждён орденом Ленина.

В ГОСТИ к колхознику-пасечнику Н. А. Жадану приехал Герой Советского Союза лётчик З. И. Макаров. Колхозник Жадан приобрёл на личные средства боевой самолёт и передал его Красной Армии. На снимке: гвардии капитан Макаров и колхозник Жадан на пасеке. →

Фото А. Устинова

НА УЛИЦАХ ЛЬВОВА

Фото А. Устинова

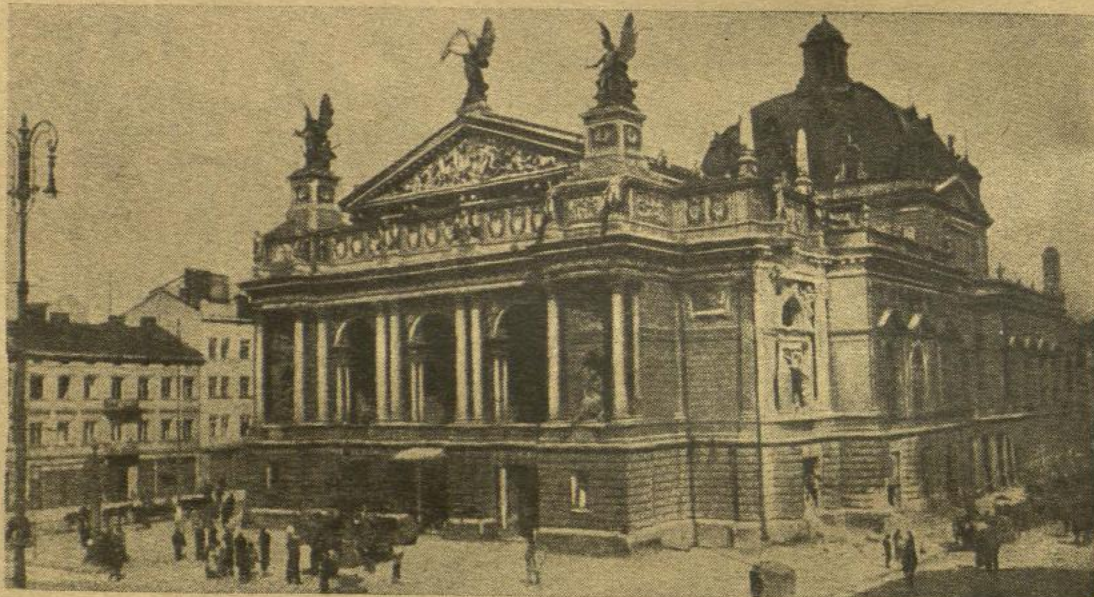

Войска ушли далеко на запад, на Жешув, на Краков. Жизнь начинает входить в обычное русло. Жители вышли на уборку и расчистку улиц.

В этой гостинице жили немецкие офицеры. Опасаясь нападения партизан и ненависти жителей, гитлеровцы и здесь понастроили доты, но ничто их не спасло!

Вместе с частями Красной Армии в город прибыл секретарь Львовского обкома КП(б)У тов. И. С. Грушецкий. Жители обступили его: они хотят узнать побольше о жизни страны, о победах Красной Армии.

Здание Львовского оперного театра.

Один из подбитых немецких танков — свидетельство недавних жестоких боёв — на улицах города. Жители осматривают укрощённую «пантеру» и восхищаются работой наших артиллеристов.

КРОВОСОСЫ

Текст Льва Кассиля

Фото Б. Цейтлина

До сих пор это говорилось применительно к человеку лишь в переносном смысле. Так народ прозвал самых алчных вымогателей или свирепых убийц. Кровосос, кровопийца.... Страшная и гневная кличка, которой клеймили двуногих хищников и звероподобных палачей. Но пока мы не узнали как следует немцев, вряд ли при этом кому-нибудь приходило в голову, что самый закоренелый злодей, снискавший гнусную славу кровопийцы, на самом деле зажаво высасывает по капле кровь из жил своих жертв. Только в мрачных кладбищенских легендах упыри да вурдалаки сосали горячую человеческую кровь...

Кровососы-вурдалаки жили в могилах, над которыми тяготело проклятие. Гитлеровцы-упыри сосут человеческую кровь ещё до того, как попадают в эти, уготованные для них, могилы. Немец-кровосос... Мы говорим сегодня так уже не в переносном, а в самом прямом, самом зловещем и убийственно точном смысле.

Они не только детоубийцы, истязатели, воры и душегубы: они кровососы...

Неподалеку от освобождённого Красной Армией Бобруйска наш фотокорреспондент встретил большую группу подростков. Он обратил внимание на их обескровленные лица, на глаза, в которых ещё таилась незажившая боль и стыл болезненный страх. Еле передвигая ноги, с трудом таща котомочки в бледных руках, спотыкаясь, шли по дороге дети, подростки... И когда спросили их, откуда идут такие, не сразу, словно сами не веря тому, что сделали с ними немцы, рассказали ребята...

В деревне Скобровка немцы организовали детский лагерь. Туда свезли полторы тысячи детей и подростков. Родителям, у которых отняли этих ребят, немцы говорили, что дети в лагере будут жить и воспитываться за счёт германского государства. Только здоровые, только упитанные и крепкие отбирались в лагерь.

Часть деревни, где были размещены дети, окружили оградой и колючей проволокой. Специальные «няни», приставленные к ребятам, следили, чтобы ни один человек извне не проликал в лагерь, чтобы «воспитанники» не могли общаться с окрестными жителями.

И тогда дети поняли, для чего угнали их от родных, зачем приставили «нянек», почему окружили лагерь проволокой и тайной. Детей насильно сделали донорами. Немецкие мясники превратили лагерь в загон. У малолетних узников немцы стали регулярно брать кровь. Нарушая все установленные даже для взрослых дозы и сроки, гитлеровские вурдалаки высасывали кровь у ещё не окрепших детей. Они заведомо знали, что ребята не смогут выдержать этого, но жадно сосали; тянули; выкачивали каплю за каплей из жил наших детей... И обескровленные дети гибли. Тогда немцы говорили, что ребёнок или подросток умер от болезни. Жертву немецких кровососов хоронили вот здесь, на этом кладбище у Скобровки, или тайно зарывали в лесу.

Когда пришла Красная Армия, все, кто ещё жил, двинулись в родные места. Но не у всех оставшихся в живых узников этого чудовищного лагеря-загона нашлись силы для этого. Истерзанные, больные, обескровленные, дети остались лежать в селе, как две эти девочки: двенадцатилетняя Вера Добровольская и Лида Светлова шестнадцати лет.

Взгляните внимательно, товарищи, на лица этих маленьких страдалец. И пусть ещё раз во всём своём мерзейшем и скотоподобном естестве встанет перед вами наш враг, детоубийца и выродок, немец-кровосос.

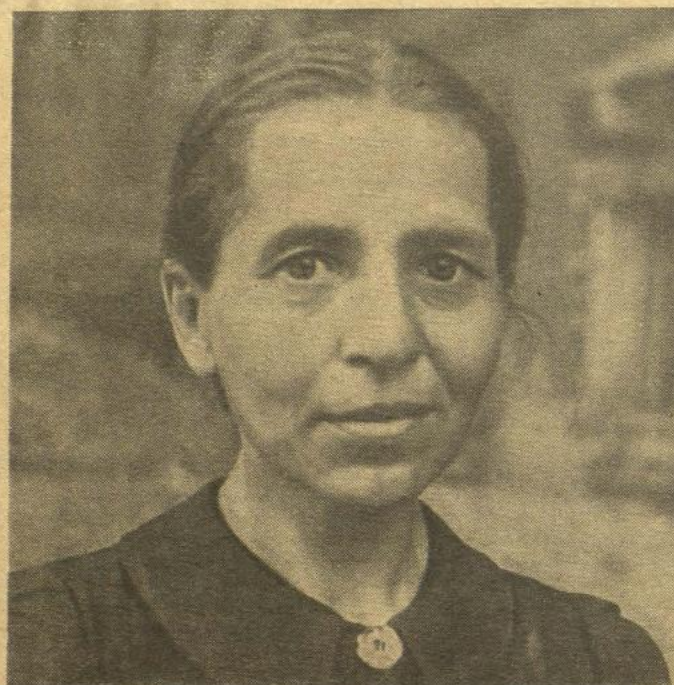

МАТЬ ДЕСЯТИ ДЕТЕЙ

Фото С. Короткова

Самый младший член семьи Смагиных — Женюшка. Ему всего год и восемь месяцев.

Эту девчурку зовут Евгенией, но кличут её Еней, чтобы не спутать с братишкой Женей.

Старшая дочь Валентина (справа) недавно окончила Педагогический институт; Тамара учится на первом курсе техникума.

У Марии Егоровны Смагиной десять детей. Всю свою жизнь Мария Егоровна и Иван Афанасьевич Смагины посвятили воспитанию детей. Самому младшему представителю фамилии — Жене — год и восемь месяцев. Два сына Марии Егоровны сражаются на фронте с немецкими захватчиками. С 1936 года семья Смагиных получает пособие — государство оказывает большую помощь в воспитании детей. Опубликование нового закона глубоко взволновало семью Смагиных.

Александра, Анатолий и Галина — ученики средней школы.

17-летняя Нина работает слесарем на московском заводе «Искра». Без отрыва от производства она посещает школу и продолжает своё образование.

Николай — миномётчик.

Жильцы дома, в котором живёт семья Смагиных, беседуют с Марией Егоровной в день опубликования нового закона о многодетных матерях.

Старший сын Иван — связист.

Дмитрий Осин

Рассказ

Рисунок В. Блюскина

У насыпи горел костёр. Возле него стояла палатка. Длинногорлая немецкая пушка и разбитый под откосом транспортёр виднелись неподалёку, напоминая о минувших боях.

От хвойных углей несло жаром, а Голубене всё казалось холодно. Он лежал, зябко кутаясь в полушубок, и изредка открывал красные, воспалённые глаза. Огонь, слабая, перебирал золотые иголки сосенки, сухо потрескивал под котелком.

Голубеня опоминился: кто-то ходил возле палатки и топал тяжкими, чужими ногами.

— Кто тут? — с трудом приоткрыл он глаза. — Яков, ты? Ну... много разворотило?

— Нет, нет. Лежите. Даже и не попало никуда, — услышал он. — Вы, наверно, раненый... или захворали? Голубеня приподнялся; ничего не понимая, выглянул наружу.

У костра хлопотала пожилая, коротко остриженная женщина. Откинутый с головы платок сбился у неё на плечах, лицо разгорелось. Рядом, на сушилке, лежал крапивный, с ляжками, мешок, а на нём — берёзовая суковатая палка.

Вычистив чёрный, закопченный котелок, она зачерпнула снегу и поставила на огонь.

— Ты... откуда взялась? — горько облизнул губы Голубеня и опасливо оглянулся. — Давно тут... грёшешь? Женщина встала, поправила платок. Голубене не понравились испросящие её глаза.

— С полчасика как. Это они на вас налетали? Я всё видела.

— Видала, да не всё, — сердито поморщился Голубеня. — Сегодня на станцию кинулись. А вчера по всей линии...

— За эшелонами, за эшелонами, — женщина поворошила золу и прутиком выкатила чёрную, подгоревшую картофелину. — И возле Орлянки и в Красноробском кидали. А только куда не попали.

«Беженка», — всё так же сердито подумал Голубеня. — Тянет, а спроси — куда? С линии сошла!»

— Картошки не хотите? — предложила женщина и заторопилась: — Лежите, лежите. Я подам.

Она суетливо выхватила из золы две картофелины и, перекидывая с руки на руку, подала Голубене:

— Вот свежее, горяченькое. Их и раненым можно, даже тем, которые тяжело. У нас в Вязовске доктор один, Сергей Сергеевич, всегда, знаете, говорил, что главное в жизни — это питание.

Голубеня не любил, когда разговаривали о пустяках.

— Никакой я не раненый! — хмуро отрезал он, но картошку, однако, взял. Она и впрямь была хороша и дразняще пахла углистой, подгоревшей коркой.

— Голова гудёт, — не то подумал, не то пожаловался Голубеня и добавил: — Думал, отлежусь, а, видите, ещё хуже.

Всё так же, с готовностью, женщина кинулась к мешку, развязала его и стала рыться в тряпье. Голубеня с презрительным любопытством следил за ней. Картофельные шкурки застряли в путаной его бороде.

— Нашла! — наконец радостно отозвалась она. — Забыла только, как поучёному называется... вы не знаете? — и подала порошок.

Голубеня принял их; развернув непослушными, каменными пальцами, он высыпал на язык один, потом подумал и взял другой. Порошки были кислосладкие на вкус и приятно отбивали горечь во рту.

Огонь метался во все стороны; глухо и сонно шумели сосны за палаткой. Голубеня вылез наружу, взял нагнет-

шийся котелок, подул на тусклое, ртутное серебро налёта и, обжигая губы, стал пить пресноватую, пахнущую дымом воду до тех пор, пока не увидел сора на дне.

День уходил за туманные, синие поймы лесов и дальше — на запад. За поворотом послышался гудок, а за ним осторожное дыхание паровика. Тяжёлый эшелон медленно прошёл мимо Голубени.

— Тоже возвращаются, — вздохнув, с завистью проговорила женщина.

Глаза её, не отрываясь, скользили по окнам, по раскрытым настежь дверям вагонов, откуда валил дым, слышались голоса.

Оглянувшись на неё, Голубеня удивился:

«Ищет, должно, кого из своих. Тоски-то сколько, за суетой и не разглядишь сразу».

— Потеряла кого, что ли? — негромко окликнул он её. — Разве так найдёшь... по эшелонам?

— Найду, — впервые несговорчиво отозвалась она и, словно опомнившись, зачастила: — Сына я ищу... сына, по всем разъездам.

— Сына... вот оно что, — вздохнул Голубеня и, точно подводя какую-то черту, сказал: — Тоска у тебя, человек, да суета сорочья. С линии ты, видать, сошла... баба. Как тебя звать-то хоть?

— Марья Матвевна. В Вязовске мы при станции жили: сын у меня, Павел, — машинистом, а дочка — в учпрофсоже. Он тут недалеко, Вязовск-то наш.

— Знаю, — понимающе кивнул Голубеня и подбросил сушилку на посеревшие угли. — Так, значит, — раздумчиво сказал он, — в бегах была? А теперь куда тянешь?

— Теперь назад. Не слышали: дошли уж туда наши?

— Идёшь и сама не знаешь, — сплюнул он. — Будку-то твою, небось, нем-

цы давно под дот приспособили или сожгли.

Из-за поворота донёсся лёгкий, подрагивающий стук; он бежал по рельсам, словно настигая самого себя, и Голубеня увидел возвращающуюся бригаду.

— Вон ребята мои катят, — кивнул он, бросив окурок в костёр, и поднялся.

Матвевна тронула мешок. В глазах её снова появилось то ищущее ожидание, которое Голубеня заметил четверть часа назад, когда проходил эшелон.

«Зря я её... обидел, кажется», — подумал он, шагнул к насыпи — навстречу подехавшим рабочим и своему помощнику Якову.

— Живы, здоровы... Немец даве не вас угончал?

— Эшелон видал? — сердито отозвался Яков, опрокидывая дрезинку в кювет. — Если бы нас, — разве б он прошёл?

— Ну, ну, уж и не спроси, — припиряюще засмеялся Голубеня. — А у нас тут, гляди-ка, гости. И даже с картошкой, Яков!

— Что ещё за гости... на казённой дороге, в полосе отчуждения? — Яков недоверчиво покосился и, поднысывая к костру, быстро и зорко оглядел Матвевну, всё так же стоявшую возле палатки со сцепленными в рукавах руками. Она спокойно выдержала колкий взгляд его крупных стремительных глаз и не шевельнулась.

— Ты чего... мать? — смущённо проговорил Яков. — Идёшь куда, так иди. Тут место казённое, сама знаешь.

— И пойду и пойду... не думайте, — схватив мешок, с прорвавшейся вдруг обидой и слёзами всхлинула она. — Я, может, побольше вас, я тридцать лет при дороге, а ты — казённая...

Суетливо расправив ляжки, Матвевна надела мешок, взяла палку. Слёзы сыпались ей на руки, на снег, но она не замечала и не стыдилась их.

Матвевна, размахивая платком, шагнула навстречу поезду.

Яков растерянно оглянулся. Голубеня потупясь подкидывал ветки в костёр. Двое других рабочих — Савка и Митяй — молча и неторопливо переносили и складывали инструмент.

Сумеречным, стылмым ветром потянуло из лесу, далеко-далеко на разъезде загудел паровоз.

Матвевна, не протрившись, пошла по дорожке, потом обернулась, тихо сказала:

— Картошку-то не забудьте. Сгорит... Самое главное в жизни — это питание.

Голубеня хотел было вернуть её, но вспомнил разговор, Вязовск, и, оправдываясь, пояснил Якову:

— С линии сошла баба. Разве этому поможешь?

Назавтра с утра над дорогой низко ходили сторожевые ястребки и то пропадали, то с рёвом появлялись вновь. Завидев их, Яков возбуждённо махал руками и Митяй смежно подбрасывал вверх шапку.

Ястребки ушли, и почти тотчас же высоко-высоко послышалось прерывистое, натруженное потуркивание. Здрав борода, Голубеня прислушался: — Идут... дьяволы! Теперь начнётся.

Густые, иссиня-чёрные тучи тяжело тащились по небу, застывая солнце. В разрыве между ними юркой рыбкой мелькнул чужой самолёт. С рёвом он понёсся к земле, и Голубене показалось, что, дойдя до леса, бомбардировщик круто взмыл вверх, развернулся и затараторил из пулемётов.

Дымные фонтаны разрывов встали за разъездом, медленно оседая, распались на части. Лежавшая на рельсе кирка мелко заколотилась и, свалившись, зарылась в снег. Стоя и буяя прошли по проводам.

— На двести пятом садят, не иначе! — тревожно и зло закричал Голубеня. — Дрезину, Яков!

Яков и Савка подняли дрезинку на рельсы; Митяй нагрузил инструмент, подкладки, костыли. Вскочив, Голубеня толкнул рычаг.

Разъезд был свободен; они, прошли его, не останавливаясь. Дежурный тревожно махнул им на открытый семафор и торопливо скрылся в будке. Оглянувшись, Голубеня сильнее налёг на ручку:

— Давай, давай... Яков. Видишь?

Дорога пошла под уклон. Ветер загудел в ушах, с шорохом осыпался, шумел снег на кромке. Митяй обронил кайло, но Голубеня только погрозились глазами.

На всём ходу они проскочили третий, четвёртый пролёт, закругление на пятом, и сразу же за ним Савка крикнул не своим, пересевшим голосом:

— Летят, гудят...

Обогнав их, бомбардировщики падали над мостом, взмыли вверх, и в чёрном дыму разрывов Голубене открылся нетронутый его пролёт, поваленные телефонные столбы и развороченное полотно дороги. Песок и снег сыпались сверху; мягкий, но сильный толчок встретил дрезину и свалил их наземь. Она немного прокатилась и остановилась.

За лесом тревожно загудел поезд, но рельсы не отзывались привычным и знакомым подрагиванием. Голубеня схватил сигнальный диск, задыхаясь, кинулся через изрешечённый настил и, пробежав, за откосом, на полотне, увидел неподвижно лежащего человека.

«Обходчик, — привычно догадался он. — Ранен... или так сшибло?»

Далеко-далеко, едва различимый в пасмурной, морозной дымке утра, показался тёмный, быстро приближавшийся одуванчик дыма. Голубеня

услыхал за спиной сильные, рысь прыжки Савки, шумное дыхание Якова. Обгоняя его, они пробежали нетронутый участок пути, но дальше опять были воронки и невообразимая путаница железа, щепы и проводов.

— Диск, Яков! — прохрипел Голубеня.

Сердце его ходило, как шатун, дышанье перехватывало.

Яков, не отвечая, подхватил диск, оскальзываясь, побежал дальше.

Голубеня упал, но тотчас же поднялся. В синюющем, сквозном просвете дали, гудя и набирая под уклон скорость, несся поезд. Видимо, машинист с хода хотел взять подъём.

Выглянуло солнце, дохнуло ветром. Из-за туч снова донеслись чужое, прерывистое потуркивание бомбардировщиков и трубный рёв атакующих ястребков. Заглушенная пулёмётная скороговорка, отдаваясь, пошла на запад.

Голубеня заторопился.

«Не успеет, — подумал он о Якове. — Хотя бы дотуда, где обходчик, добежать...»

Санитарный поезд вынырнул из перелеска и, выгибаясь на закруглении, словно показывая всего себя, летел теперь прямо на лежащего.

«Не ранен, а убит, — решил Голубеня. — Раненый, он бы услышал, отполз...»

В эту минуту лежавший зашевелился, привстал, словно он спал и его разбудил грохот приближавшегося поезда. Голубеня, охнув, узнал Матвевну. Шатаясь, она огляделась вокруг, увидела поезд и стала суетливо разматывать платок.

— С линии! — закричал Яков, торопясь к ней. — Задавит...

Матвевна обернулась, но заметила не Якова и не Савку, бежавших к ней, а что-то другое: может, развороченный путь, может, ещё что и, размахивая платком, шагнула навстречу поезду. Куртка её была разорвана, мешок валялся в канаве, а концы платка тяжело набухли и почернели — не то от земли, не то от крови.

Сделав несколько шагов, она пошатнулась: тревожный, пронзительный гудок паровоза, казалось, свалил её с ног, подмял под себя. Вагоны, скрежеща и содрогаясь, полезли друг на друга, тяжёлый паровоз, точно лошадь с горы, шипя, стал сдерживать состав, и одно время Голубене показалось, что он с разгона сомнёт их всех. Не выдержав, он кинулся дальше, но Матвевна, словно очнувшись, поднялась снова.

Свистя контрпаром и скрежеща всеми тормозами, паровоз сдержал состав и, замедляя ход, остановился неподалёку. С площадок соскакивали проводники; механик, почти до пояса высунувшись из-за крыла, тревожно и торопливо оглядывал небо.

Яков и Савка подхватили Матвевну под руки. Голубеня услышал, как она слабо и словно виновато объясняла им:

— Я ж и бельё и обед вам, сыпochки. Ведь самое главное в жизни — это... я же всё-всё потеряла.

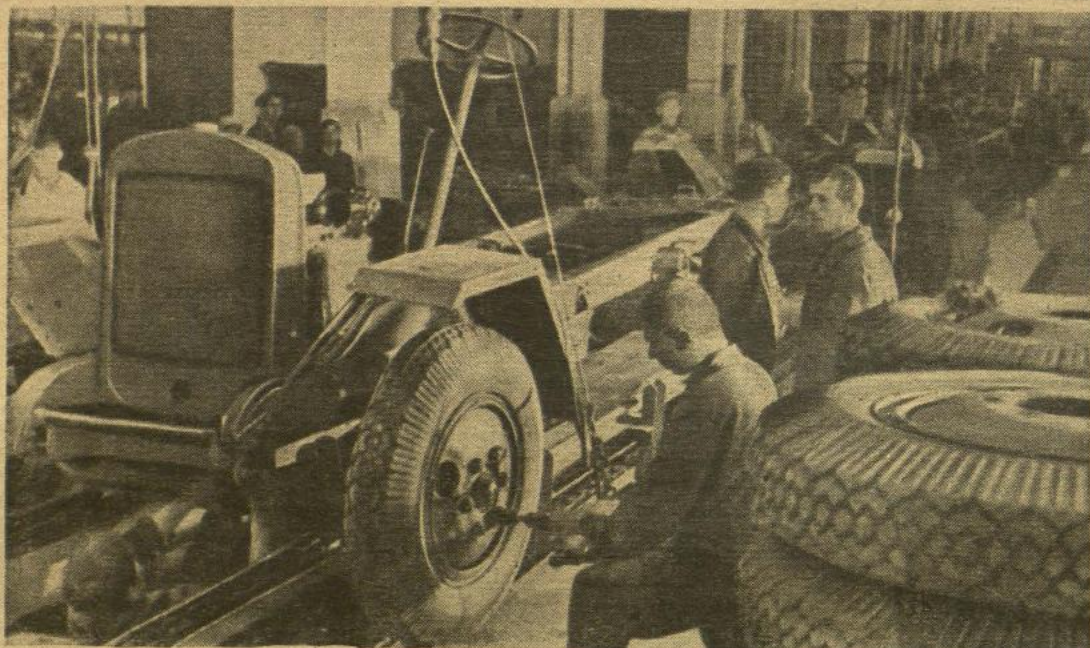
Заносенный её платок был чёрен от земли и крови.

Голубеня встретил тёмные, непроглядные её глаза, непереносимо светившиеся не то от боли, не то от счастья, и совсем некстати приморенно сказал:

— Всё ты потеряла, мать, а с линии не сошла. Теперь понятно!

УРАЛЬСКИЙ АВТОЗАВОД

Фото Я. Бродского

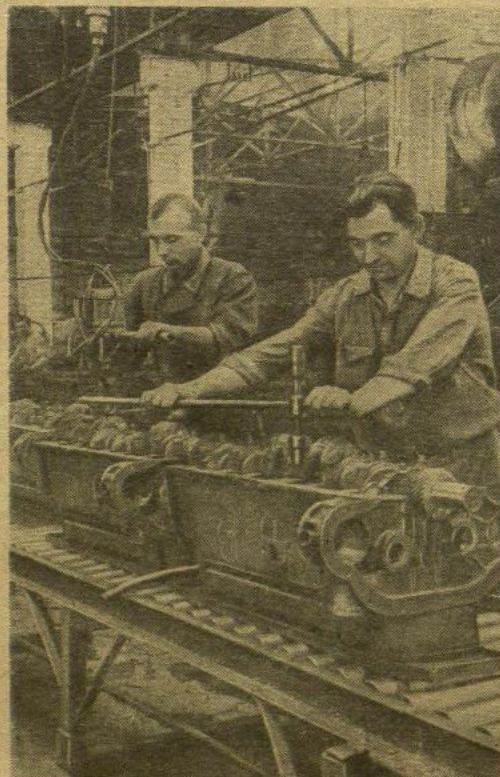
В суровые, зимние месяцы 1941 года, когда фашистские орды рвались к Москве, далеко на Востоке, в живописной местности Южного Урала, вблизи Ильменского заповедника, было начато строительство Уральского автомобильного завода имени Сталина. 8 июля 1944 года с конвейера нового завода сошли первые автомобили.

Завод этот построен по последнему слову техники. На новом заводе применяется передовая технология производства автомобилей. О размахе строительных работ можно судить по таким хотя бы цифрам. На строительство первой очереди завода израсходовано 15,5 миллиона штук кирпича, свыше 100 тысяч тонн портландского цемента, 8500 тонн изольцемента, 20 тысяч кубометров круглого леса, 49 тысяч кубометров пиленного леса и т. д. Построено много производственных помещений: литейная ковкого чугуна, цветного и стального литья, литейная серого чугуна, механосборочный корпус, компрессорная и т. д.

Уральский автомобильный завод — готов. Строители его с волнением прочли слова И. В. Сталина: «Родина высоко оценит вашу самоотверженную работу и помощь в деле укрепления могущества нашей страны».

Уральские автомобили сходят с конвейера. Это ещё одна победа, победа, которая поможет быстрее разгромить врага.

На снимках (сверху вниз): 1. Первые автомашины выходят из ворот завода. 2. Сборка машин на главном конвейере. 3. В цехе сборки и испытания моторов.

У входа в рестораник — единственное место в Дингласи, где по вечерам собирались местные жители — в окнах бакалейной лавки и по стенам амбара Краббета были развешены объявления, сообщавшие о том, что в мэрии состоятся танцы и концерт американского военного оркестра. Однако название «Дингласи» в объявлениях не указывалось. И не только здесь — на много миль вокруг — ни на почте, ни на указательных столбах — не сообщалось названий местностей. Все надписи были уничтожены в Англии в 1940 году, когда опасались вторжения немцев. И хотя запрещение было теперь уже снято, надписи всё ещё не восстанавливались.

До войны, в счастливые дни, Дингласи посещали многочисленные туристы. Мистер Ламперт привозил их в своём автобусе, они переполняли кафе и толпились в ресторанике. С начала войны посетителями Дингласи были только солдаты: сперва из северных районов Англии и Канады, а теперь сюда прибыли американцы.

Последнее время жизнь здесь протекала довольно спокойно, и объявление о концерте и танцах произвело сенсацию. Даже местный викарий — достопочтенный мистер Доддс — принял участие в подготовке к вечеру: он развешивал длинные полотнища вдоль стены всего помещения; в другом конце зала американец, капитан Меррил, помогал ему. Викария беспокоило, как пройдёт сегодняшний концерт, не будут ли скучать американские солдаты. Капитан был поражён, узнав, что этот толстенный, краснощёкий, добродушный викарий был вместе с Томом Бриджесом на моторной лодке в Дюнкерке.

На вопрос, каково же было его впечатление, — «очень тошнито», — ответил викарий и деликатно показал на круглый животик — основу его беспокойства.

Помещение, украшенное флагами и полотнищами, выглядело очень празднично. Около викария и капитана начинали собираться местные жители. На их лицах сияла улыбка. За последние четыре года они приходили сюда то записаться в местную оборону, то на занятия по ПВХО или по оказанию первой помощи. Помещение мэрии напоминало им о тех чёрных днях, когда в темноте и изолированности от всего мира Дингласи пребывал в ожидании вторжения немцев.

Эти тревожные дни всё ещё жили в сознании каждого.

И ещё не так давно в ресторанике люди собирались за рюмочкой вина после дежурства на скалах. Тут были: Том Бриджес, доктор Мэкин, Ламперт — ранее владелец гаража (его автобус был реквизирован для военных надобностей; сыновья призваны в армию; бензина ему не давали — и в результате его предприятие стало).

***

— Неужели вы думаете, что вода может остановить Гитлера! — воскликнул Краббет. — Вот увидите: они переправятся сюда и захватят нас врасплох.

— А по-моему, нелегко высадиться на чужой стороне, там, где тебе хочется. И нелегко добраться до берега так, чтобы тебя не заметили.

— А вы, Том, наверное, что-нибудь знаете? — иронически спросил доктор только что вошедшего в своём лучшем костюме Тома Бриджеса.

Его дочь Мэри незадолго до этого появилась здесь в сопровождении американского сержанта Болла из Миннесоты. Американцы лишь недавно стали переполнять этот рестораник. Их рассматривали здесь с любопытством. Они прибывали сюда из Вирджинии, Техаса или из Кентукки: эти названия были известны жителям Дингласи по популярным песенкам.

Доддса интересовало, кто же кого развлекал на этой вечеринке. Американцы пригласили английских десантников, а те, в свою очередь, девушек из женского вспомогательного корпуса. Доддсу вспомнилось, как в начале войны прошёл тот первый вечер, устроенный жителями Дингласи в честь прибывших канадских войск, которые составили гарнизон деревушки и фактически вернули её к жизни.

Канадцы с удовольствием посматривали через Ла-Манш в направлении Франции. И

НАКАНУНЕ

Роберт Гринвуд

Роберт Гринвуд — автор известного в СССР романа «М-р Бантинг в дни мира и в дни войны». Им ещё написана повесть «Отряд выходит» о Лондоне в первые месяцы войны (повесть будет печататься в журнале «Знамя»). Рассказ «Накануне» написан автором специально для нашего журнала.

если вы спросили бы тогда любого из них, готов ли он высадиться на противоположном берегу, тот ответил бы: «Ещё бы!» Канадцы рыли окопы на земле Краббета и возводили укрепленные точки, по его словам, в «самых смешных местах» и всегда почему-то там, где эти «точки» более всего ему мешали. Затем канадцы неожиданно исчезли и на их месте появились йоркширцы, которые бесечно разъезжали со своими танками невзирая ни на что и появлялись в ресторанике, распевая песни на непонятном наречии. Они также посматривали на ту сторону Ла-Манша и совершенно определённо выражали свои желания:

— Мы им покажем! — угрожали йоркширцы немцам.

Но и йоркширцы исчезли. Время от времени все они слагали письма: кто из Италии, кто из далёкой Бирмы; в письмах они писали, что никогда не забудут Дингласи.

А теперь американцы и десантники также посматривали на тот берег, и в воздухе пахло каким-то тревожным ожиданием, надеждой, много раз рождавшейся и столько же раз угасавшей.

— Это только пропаганда! — объявил Краббет. — Всё делается, чтобы оттянуть немцев от русских. Мне уже надоело слушать об этом.

— А нам всё же когда-нибудь придётся высаживаться. Иначе мы не окончим войны, — сказал Том Бриджес.

— А как же это мы высадимся? — спросил Краббет.

— Мы ушли из Франции, а теперь мы вернёмся туда, — проговорил Том.

***

«Да, в воздухе чем-то пахнет», — подумал викарий при первых звуках оркестра, когда парочки закружились в вальсе.

Он ясно ощущал, что назревают большие события. Повсюду в окрестностях Дингласи шла подготовка — этого нельзя было не заметить. Под заборами расположились танки, груды снарядов были укрыты в дюнах.

...Оркестр умолк. Его место занял лондонец по имени Эрберт. Он выступил с номером — по его словам, имитацией известного старинного музыкального номера.

Ламперт — в синем комбинезоне и в берете — в форме добровольца отрядов противо-

В НОРМАНДИИ. Отряд десантников союзной армии, высадившийся на французском берегу.

воздушной обороны — решил, что сейчас благоприятный момент проверить состояние маскировки в деревне. Выйдя наружу, он сразу же наткнулся на Краббета, разговаривавшего с американским офицером.

— Интересные растения выросли у вас на большом лугу, — пошутил Ламперт, приветствуя Краббета. — Все говорят, что это снаряды для второго фронта.

— Не был там целое столетие, — фыркнул Краббет, — но думаю, что это болтовня.

***

В зале стало душно. Том Бриджес расстегнул пуговицы жилета, воротничок и наклонился к тому месту, где, кроме Эрберта, стояли сержант Дола и огромный, но всегда молчаливый юноша, известный в ресторанике под кличкой Техасца.

— Хотите, ребята, выпить? — шепнул Бриджес и повёл их в заднюю комнату; здесь он вытащил из своих объёмистых карманов несколько бутылочек пива.

— Выпьём за то, чтобы поскорее выгнать Гитлера и вернуться по своим домам, — предложил Эрберт, поднимая стакан.

Они выпили. Том нагнулся и многозначительно произнёс:

— Время подходящее для этого. Флот может выступить и доставить вас в нужное место.

Они ещё выпили по одной.

***

Доддс был краток и торжественен, пожелав присутствующим спокойной ночи: он надеялся, что и гости и хозяева будут помнить друг друга.

Пирушка окончилась. Дингласи погрузился в сон, изредка тревожимый движением на улочках. А когда на следующее утро жители его проснулись, то узнали, что в деревне не осталось ни одного солдата.

Наступила тишина. Том Бриджес мыл стаканы в своём ресторанике; Ламперт заделывал дыры от гвоздей в стенах гаража; Краббет осматривал ворота и изгороди, а викарий писал сыну. Мёртвая тишина охватила Дингласи. Она продолжалась до следующего утра, когда над головой жителей раздался гул самолётов, какого они никогда до сих пор и не слышали. Со стороны моря послышался какой-то грохот.

Том Бриджес быстро выбежал на улицу.

Затем появились викарий и Краббет, а за ними, затаив дыхание, потянулись остальные мужчины и женщины.

Они побежали по торфянику на скалистый берег. Тут были доктор Мэкин в кашне и Ламперт в одежде добровольца-пожарника.

Берег Франции был покрыт клубами дыма. Оттуда доносился грохот и ощущалось тяжёлое дрожание земли и воздуха. Гудели гигантские бомбардировщики; под ними с более тонким жужжанием проносились истребители.

Из бухты были видны проходившие по Ла-Маншу суда, в строгом порядке устремлявшиеся к французскому берегу.

Все понимали, что это движение означает жизнь или смерть для тех ребят, кого они знали: и для сержанта Болла из Миннесоты, и для Эрберта из Лондона, для большого молчаливого Техасца, и для сыновей Ламперта, и для капитана Меррилла; для всех тех, кто был там, отвоевывая землю вершок за вершком, взбираясь по скользким скалам, по осыпающемуся под ногами песку, сквозь огонь обрушивающейся на них стали.

Так жители деревушки Дингласи в неярком свете пробуждающегося утра вглядывались в берег Франции. Их лица, озабоченные, непреклонные, застыли. Они хотели невозможно: пронизать своим взором расстояние, отделявшее их от берега Франции, проникнуть сквозь дым сражения, чтобы видеть, как держались их сыновья, отцы, мужья и братья. Они хотели помочь им своими руками и оружием, приободрить, защитить их.

Наступал день, день испытания доблести. Они долго стояли тут, на скалистом берегу; солнечный свет золотил их лица. Затем один за другим, вспомнив о своей работе и о своих обязанностях, они медленно направились к себе, в деревню.

Торфщики

Широко раскинулись торфяные залежи Чернораменского торфопредприятия, Горьковской области. Первоначальный процесс добычи торфа — разрыв залежи водяной струей высокого давления. На снимке: стахановка Полина Почитальнова у гидромонитора, размывающего торфяную массу.

Торф — ценнейшее топливо для электростанций, для заводов и фабрик. Торф в дни Отечественной войны — это пушки, танки, самолёты, боеприпасы для фронта. Советские торфяники оказывают огромную помощь Красной Армии, очищающей родную землю от гитлеровской скверны.

Торфяной сезон 1944 года в разгаре. На торфяных полях Московской, Горьковской, Ивановской, Ярославской, Ленинградской, Свердловской и других областей Союза трудятся десятки тысяч рабочих. Одновременно с добычей повсюду происходит массовая сушка торфа.

В начале нового сезона торфяники крупнейшего в стране Петровско-Кобелевского предприятия Шатурского торфотреста обратились ко всем торфяникам страны с призывом развернуть Всесоюзное социалистическое соревнование за досрочное выполнение сезонного плана добычи, сушки, уборки и вывозки торфа. Этот патристический призыв нашёл дружный отклик. На торфяных полях кипит сейчас горячая стахановская работа. В борьбе за первенство прославили себя сотни бригад.

Беззаветно трудятся на торфопредприятиях советские женщины. Они заменили мужчин на самых сложных процессах — стали карьерщицами, канавщицами, разливальщицами. Они научились управлять гидромониторами и мощными кранами, формующими гусеницами и тракторами.

Миллионы тонн торфа добычи 1944 года получат топки электростанций и предприятий. Сейчас дорог каждый день, каждый час. Торфяники с честью стоят на своей ответственной боевой вахте. Добывая топливо, они тоже идут в атаку на врага. Недаром на торфяных полях говорят: «Больше торфа добудем — скорее фашистов загубим», «Торф добывать — что снаряды бойцам подавать».

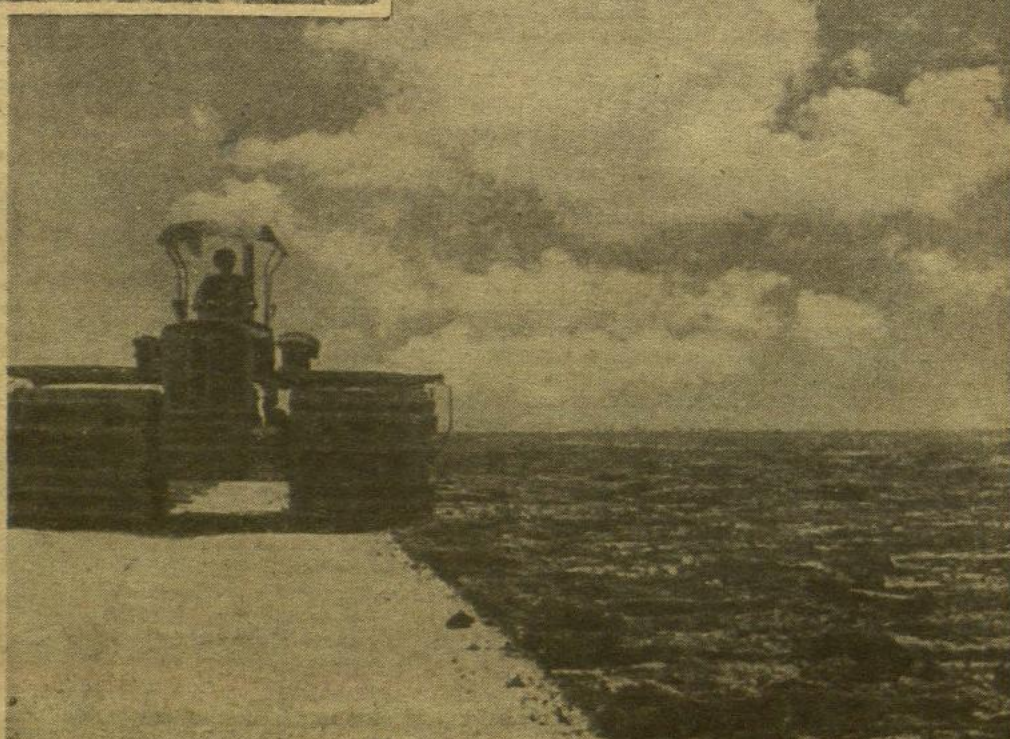
Фотоочерк Я. Бродского

← По специальным трубопроводам густая, размытая торфяная масса разливается по полям сушки.

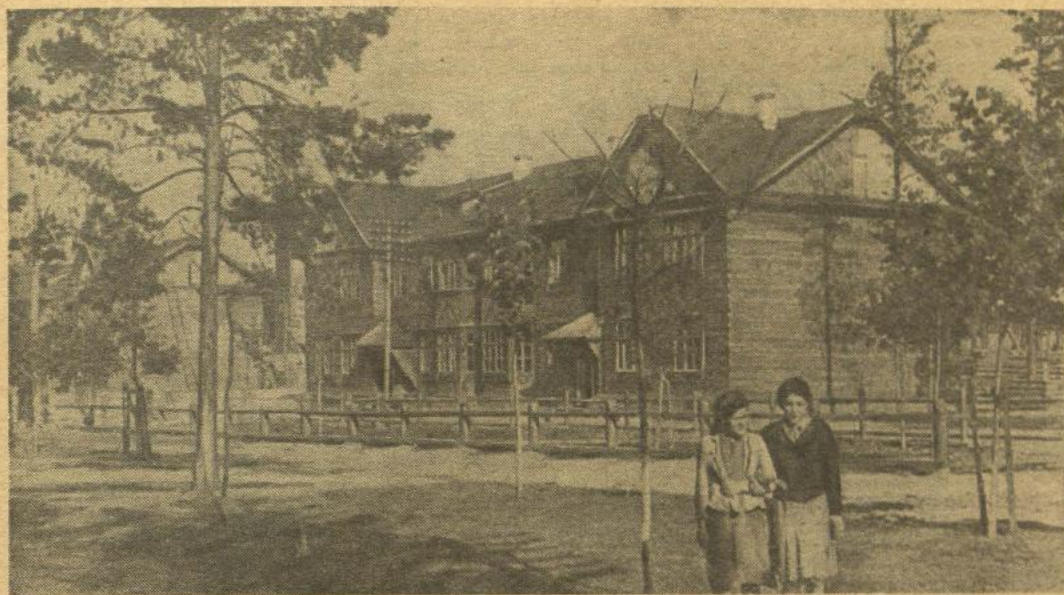
↓ Когда торфяная масса становится достаточно густой, на поля сушки выезжают гусеничные тракторы, которые формуют торф. Затем сформованные кирпичи торфа складываются в клетки для окончательной просушки.

Карьерщица передового крана Елена Харитонова (Мугреевское торфопредприятие).

← Новые, аккуратные домики отстроены для рабочих торфопредприятия «Чистое».

← На Мугреевском торфопредприятии прославилась бригада канавщиц Сони Маратхуаниной. В выходной день девушки приоделись и всей бригадой вышли на прогулку. В первом ряду (вторая справа) идёт бригадир Маратхуанина.

→ Молодая колхозница Дуся Юматова пришла на Черныраменское торфопредприятие недавно, но работает хорошо, по-ударному. В свободные часы Дуся увлекается рукоделием.

В общежитии торфяниц передовой бригады Анны Шитковой—образцовый порядок. Просторная, светлая комната чисто и парадно убрана.

Литература и Искусство

«АДМИРАЛ НАХИМОВ»

Героическое прошлое нашего Военно-Морского Флота знает таких замечательных русских флотоводцев, как Ф. Ф. Ушаков, М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов. Их имена вошли в историю русского флота, в историю России. Воссоздать их образы в литературе и на сцене — в высшей степени благородная и благодарная задача.

Игорь Луковский, автор пьесы об адмирале Нахимове, выбрал два исторических момента, очень важных для характеристики Нахимова: Синопский бой и защиту Севастополя. Давая массо-

вые сцены, хорошо показывая офицеров и солдат, участников этих замечательных операций, автор пьесы и Камерный театр в центре их, естественно, поставили Нахимова. Он был душой таких событий, как Синопский бой и защита Севастополя. Обаяние его личности и любовь окружающих сподвижников хорошо переданы артистами: ворчливый боцман Самсоныч, влюблённый до самозабвения в адмирала, (артист В. Новиков), крестница Нахимова Васса (артистка В. Бельская), матросы Кошка (артист Б. Терентьев), Рыбаков (артист

Г. Бударов) — участники знаменитых побед, офицеры, преданные адмиралу, — все они воссоздают ту среду, наиболее ярким и типичным выразителем которой был Нахимов.

Первая картина — знаменитый бой в Синопской гавани. Это событие показало, что в действиях Нахимова обнаружилось то редкое сочетание твёрдой решимости с благоразумной осторожностью, то равновесие ума и характера, которые составляют исключительную принадлежность великих военачальников. Картина эта служит завязкой для всего последующего действия, и это верно исторически и психологически. Участники Синопского боя были участниками обороны Севастополя.

Все последующие картины проходят на бастионах Севастополя. Зрители видят на сцене город русской сла-

вы, его защитников — русских людей, героически защищающих свою родину.

Нахимова играет народный артист республики П. Гайдебуров. Ему удалось создать яркий, многогранный образ замечательного русского человека, талантливого и бесстрашного моряка, для которого палуба корабля — крепость. Зрительно понятно то состояние, которое охватило Нахимова, когда пришлось затопить родные корабли. Гайдебуров удачно передаёт это настроение, показав вместе с тем силу и мужество адмирала.

«Начего! Не робейте, братцы! На бастионах сражаться будем! Каждый бастион будет для нас корабль! А на море, или на суше, честь России, братцы, всё равно в матросских сердцах».

Образ Нахимова с каждой картиной становится всё полнее, многограннее, ярче. Не заслоняя других героев пьесы, он, естественно, больше всех привлекает внимание зрителей.

Следует отметить двух участников славных нахимовских боёв: матросов Кошку (артист Терентьев) и Рыбакова (артист Бударов). Они любят одну девушку, Вассу Чайку, и она причина их раздора. Узнав, в чём дело, Нахимов говорит: «Д-а... Женская любовь — дело хорошее, а мужская матросская дружба — ещё лучше. Так, что вы, братцы, и одно не теряйте и другое сохраните. Вот вам задача». Это прекрасно понимают и сами матросы. «Без дружбы воевать нельзя», — говорит Кошка.

Интересен образ дочери матроса Ефимкина, Вассы

Артист П. Гайдебуров в роли адмирала Нахимова.

Чайки, русской женщины — защитницы Севастополя.

На севастопольском бастионе, помогая бойцам отражать врага, она начинает понимать своё место в жизни. Её образ близок нам своими героическими чертами.

Все герои пьесы ощущают на себе благотворное влияние прекрасной личности великого человека. И зритель становится понятна популярность Нахимова, понятна любовь к нему моряков, понятна обаятельность этого человека. Советские черноморские моряки любят называть себя «нахимовскими внуками», они гордятся великим «дедом», славным флотоводцем, великим сыном русского народа. Автор пьесы и театр сделали большое патриотическое дело, показав советскому зрителю этот спектакль.

М. ДОБРЫНИН

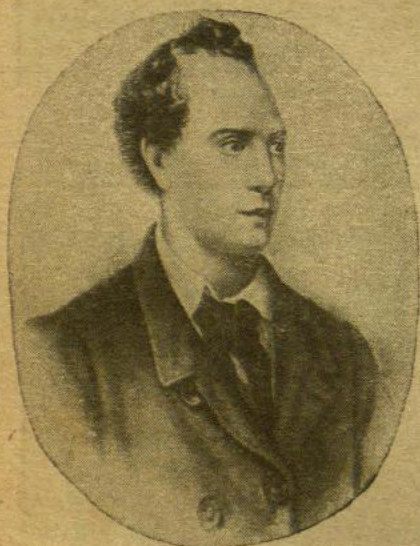

Сцена из пьесы «Адмирал Нахимов» — на набережной.

Фото Б. Фабисовича

Исключительно своеобразная, интересная голова нарисована Пушкиным среди черновиков «Полтавы». И тем большее привлекает она внимание, когда узнаешь в ней портрет крупнейшего нашего поэта — Баратынского.

Высокий, откинутый лоб, продолгающий линию лба нос с лёгкой

«Е. А. Баратынский». Литография Мюнстера по рисунку Лебедева.

БАРАТЫНСКИЙ В ЗАРИСОВКЕ ПУШКИНА

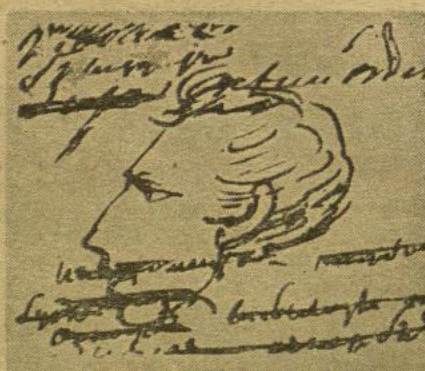
горбинкой, слегка вздёрнутый на конце, крупные полуоткрытые губы, особенная форма головы, с выдающимся затылком, выющиеся волосы с коком надо лбом, широко раскрытые глаза под тяжёлыми веками и низко сидящими бровями, большое ухо — все эти черты, которые мы видим на разных портретах Баратынского, сконцентрированы в прекрасном, смелом наброске Пушкина.

Внешность Баратынского трудно себе представить, так мало схожи между собой и даже противоречивы десять известных нам его прижизненных портретов.

Пушкин обладал даром острого видения, меткостью характеристики и смелым, лаконичным, выразительным рисунком.

Облик Баратынского в зарисовке Пушкина более всего похож на наиболее убедительный, характерный портрет Баратынского, известный по литографии шестидесятих годов Мюнстера. Литография эта сделана с неизвестной нам гравюры А. Лебедева, которая в свою очередь восходит к не дошедшей до нас картине, писанной NN. Иначе говоря, живописный оригинальный портрет, сделанный с натуры, дошёл до нас в двух переписках, в сущности в искажениях подлинника.

И тем не менее рисунок Пушкина, который набрасывал портреты «вдруг» «с уморительным сходством», как свидетельствует современ-

Портрет Е. А. Баратынского, сделанный А. С. Пушкиным.

ник, подтверждает мюнстеровскую литографию. Отныне внешность Баратынского придётся воссоздавать именно по этому портрету и по замечательному рисунку Пушкина.

К сожалению, рисунок Пушкина плохо сохранился; он исписан самим поэтом черновиками стихов, главным

образом по нижней части лица и сверху — по волосам.

Рисунок сделан во время работы над второй песней «Полтавы», в октябре 1828 года. Думал Пушкин о Баратынском в это время, вероятно, в связи с затейливой обоими поэтами книгой «Две повести в стихах», где были помещены «Бал» Баратынского (полностью публикуемый впервые) и «Граф Нулин» Пушкина. В эти самые октябрьские дни книга проходила цензуру (31 октября цензурное разрешение было подписано). Пушкин в это время жил в Петербурге, Баратынский — в Москве. Они не виделись полтора года. Но удивительная зрительная память Пушкина дала ему возможность уверенно и точно передать оригинальный профиль так высоко ценимого им поэта.

Отличается новый портрет, Баратынского от всех других особенным выражением лица, подмеченным Пушкиным. Им передан, «как бы сквозь туман, горящий тихим пламенем взор, придававший ему нечто привлекательное и мечтательное» (наблюдение современника).

В рисунке создан образ сосредоточенного поэта-философа.

Т. Зенгер

НА РЕПЕТИЦИИ

Театр сатиры готовит спектакль о любимом герое восточного фольклора — весёлом мудреце ходже Насреддине. Образ Насреддина встречается в многочисленных произведениях восточного юмора.

Кто он, этот неуязвимый ходжа, друг и защитник угнетённых, лукавый философ и умный чудак? Его имя широко известно в республиках Средней Азии, в Грузии, Армении, Крыму, Турции, Иране, Греции, Аравии, Азербайджане... Об его приключениях знают на Украине, в Литве, знают на Балканах. Многочисленные истории передают факты его легендарной биографии. В пятнадцати городах Востока показывают его могилу...

В образе ходжи Насреддина воплощены лучшие черты народов Востока — свободолюбие, человечность, стойкость, оптимизм.

Раскрыть эти черты — вот основная задача, которая стоит перед постановщиками спектакля о Насреддине, — заслуженной артисткой О. И. Пыжовой и Б. В. Бибиковым по пьесе Л. Соловьёва и В. Виткович «Возмутитель спокойствия».

В фойе идут репетиции. На красном диване пёстрые шали, на полу ковёр, несколько подушек — вот весь

«реквизит», который помогает заслуженным артистам Кара-Дмитриеву (ходжа Насреддин) и Курихину (ростовщик Джафар) увидеть себя на помосте бухарской чайханы, где Насреддин ловко одурачивает алчного Джафара.

А вот маленький узбекский дворик, где Насреддин встречает свою возлюблен-

На репетиции пьесы «Возмутитель спокойствия». Сцена в бухарской чайхане. Фото Е. Амчиславской.

ную Гюльджан (артистка Е. Кара-Дмитриева). Дворик состоит пока из трёх сдвинутых вместе стульев. Гюльджан в спецовке и красном шарфике, Джафар в каком-то госпитальном халате, деревянные кубки вместо пиал, связка ключей вместо золотого брасле-

та, который Насреддин приносит в подарок Гюльджан, — всё это непохоже, конечно, на то, что увидят зрители. И всё же уже сегодня очевидна основная тенденция спектакля. Постановщики стремятся избежать «театрального» экзотического Востока, традиционных трактовок основных ролей — буффонного остряка Насреддина, злодея эмира и т. п. Пыжова и Бибиков хотят создать прав-

дивую и одновременно сказочную картину старого Востока, противопоставив гибкости и жестокости эмирского двора жизнь народа, мудрого, обладающего подлинной человечностью и великолепным чувством юмора.

Л. Лозинская

Литература и Искусство

ПУШКИНСКАЯ ПРОГРАММА

«И в свисте пуль,
За песней пулемётной —
Я вдохновенно
Пушкина читал...»

Этими строками из стихотворения Багрицкого «Пушкин» заканчивает лауреат Всесоюзного конкурса мастеров художественного слова Всеволод Аксёнов программу, посвящённую 145-летию со дня рождения величайшего русского поэта. Будто сегодня написаны эти слова о любви русского воина к нашей национальной гордости — Пушкину. В дни Отечественной войны они особенно горячо воспринимались аудиторией.

Всеволод Аксёнов — один из наиболее тонких исполнителей пушкинских стихов и поэм. В его чтении убедительно раскрываются основные темы творчества Пушкина — патриотизм, ненависть к врагам Рос-

Всеволод Аксёнов

сии, глубокая вера в торжество разума и света, в силу и духовное богатство русского народа.

Программу из произведений Пушкина Всеволод Аксёнов с неизменным успехом читал на фронте, в Москве, на Урале, в Сибири.

«ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ» *

Имя Н. Д. Телешова хорошо и давно уже знакомо широкому кругу читателей. Шестидесять восемь лет работает он в области литературы и как писатель и как неутомимый общественный деятель, создатель и руководитель литературного кружка «Среда», бессменный председатель «Общества А. П. Чехова и его эпохи», друг Художественного театра, организатор и руководитель Музея в этом театре.

Телешов — коренной москвич: по рождению, воспитанию и образованию, по творческой работе. Не случайно поэтому «Записки писателя» открываются главой, посвящённой Москве, и цитатой из Лермонтова: «Москва — моя родина, и такую будет всегда: там я родился, там много спрдаст, и там же был счастлив».

«Всю свою жизнь я прожил в Москве», — пишет Телешов, помнящий ещё столицу не такую, какова она в настоящее время, а такую, когда «улицы скудно освещались маслёнками, керосиновыми лампами, потом газом».

Начав литературную деятельность в 1884 году, Телешов скоро обратил на себя внимание своими рассказами и очерками. И с тех пор, на протяжении всей своей творческой жизни, он с честью несёт знамя писателя, гражданина, преданного своей родине, своему народу, его прогрессивным идеалам. Он повествует о своей дружбе с Чеховым и Горьким, встречах с Толстым, Островским, Короленко.

С большим увлечением передаёт Телешов свои мысли и думы, о писательских кружках, о театральных премьерах и постановках, о своей литературной и общественной работе. Один за другим проходят перед читателем поэты и писатели: Белоусов, Дрожжин, Чехов, Горький, Мамин-Сибиряк, Скиталец, Вересаев. А сколько близких имён среди артистов: Шаляпин, Ермолова, Москвин, Станиславский! Среди художников — Головин, Левитан, Васнецов.

Книга Телешова — это не только дань прошлому, но и переписка автора с настоящим. Свои «Записки» он заканчивает обращением к молодым писателям:

«Верю в них и желаю им такой же уверенности в том, что быть русским писателем — есть великое счастье в жизни».

Книгу воспоминаний Телешова с большим интересом прочитают представители и старого и молодого поколений.

Ив. Фёдоров

* «Записки писателя». Воспоминания Н. Д. Телешова. Гослитиздат.

В Доме пионеров Свердловского района Москвы, над которым шефствует МХАТ СССР имени Горького, успешно работает литературный кружок старших школьников.

В 1944 г. состоялось несколько творческих встреч лауреатов Сталинской премии А. Грибова, Н. Боголюбова, народного артиста РСФСР В. Топоркова, М. Яншина и других с участниками литературного кружка. Артисты рассказали школьникам о своей работе, выступали с чтением.

На фото: творческая встреча лауреата Сталинской премии народного артиста СССР В. И. Качалова с участниками литературного кружка Свердловского дома пионеров.

Фото Аргиропуло.

О Н И У В И Д Е Л И М О С К В У

Татьяна Тэсс

Пленные немецкие генералы проходят под конвоем по площади Маяковского в Москве.

Колонны немецких военнопленных на улице Горького.

Несколько часов подряд продолжалось это необычное шествие пленных немцев по улицам столицы. Три года назад они хвастливо заявляли, что пройдут церемониальным маршем по Москве как победители. Они действительно увидели Москву — генералы, офицеры и солдаты разгромленных гитлеровских дивизий. Серые, как пыль, как дым поражения, шагали немцы под конвоем, и москвичи с ненавистью и презрением смотрели на них.

Одна колонна пленных немцев двигалась за другой.

Через Москву шло 57 600 немецких военнопленных из числа захваченных в июне—июле нашими войсками в Белоруссии. Прошли генералы, прошли офицеры, затем зашагали солдаты. Здесь были «тотальные фрицы», пожилые, заросшие седой щетиной, с выправкой не солдата, а официанта из ресторана. Здесь были молодые, здоровые парни в пропотевших фуфайках, с плечами спортсменов, и растерянные подростки, и угрюмые кадры, и низкорослые, кривоногие вояки, спотыкающиеся на ходу. Вначале они шли, глядя только себе под ноги, равнодушные ко всему, но когда колонны вышли на улицу Горького, немцы начали глазеть по сторонам.

Вертя головами, они смотрели на новые дома, на витрины, на вывески; лица их выражали изумление и растерянность. Очевидно, они представляли себе Москву совсем другой. Они ожидали увидеть руины города. Вылупив глаза, они глядели, как дикари, на строгую и чистую красоту нашей столицы. Из толпы людей, стоявших тесными рядами по обе стороны мостовой, чей-то негромкий голос сказал:

— Мечтали попасть в Москву? Ну и попали. Только дорожка вышла не та...

И по толпе, как ветер, прошло движение. Какой-то человек, чтобы лучше видеть, протолкался вперёд, но женщина сказала ему сердито:

— Не заслоняйте, гражданин, дайте детям посмотреть... — и подняла повыше маленького мальчика в розовой рубашке.

Мальчик долго смотрел на эти бесконечные шеренги, на всё то злое, мрачное и побеждённое, что двигалось сейчас по мостовой, потом личико его сморщилось, задрожало и он сказал шопотом:

— Мама, у меня глазки на них не смотрят. Закрой мне глазки, мама... — и плача прижался к матери.

Но в это время по рядам зрителей прошло движение. Среди пленных шагал рослый парень, держа на плече детское фланелевое одеяльце.

И какая-то старуха сказала:

— Одеяльце-то и здесь не кинул! Эх, вору!..

Она поправила на голове косынку и вдруг сказала тихо, внятно, прижав руку к худенькой старческой груди:

— Гляжу на них и не знаю, как проклясть за всё наше горе...

Она вглядывалась испытующе в лицо каждого пленного, проходящего мимо, и всё шевелила губами, говоря что-то, слышное только ей одной, но понятное всем советским людям. Потом вдруг произнесла, усмехнувшись:

— Грязные какие! Завоеватели мира! Утопить бы их в речке, где дети

наши через них гибнут!.. — и снова замолчала.

Люди, стоявшие в рядах, старались быть спокойными и сдерживаться, но это удавалось не всем. Колхозница, стоящая почти вплотную к проходящим шеренгам, сказала прямо в лицо рыжему верзиле:

— Может, яиц хочешь? Или молока? Или какавы тебе дать? Ах, чортов сын, как ты не подавился награбленным!.. — и сплюнула в сторону.

И снова люди молча смотрели на проходящих немцев. Каждому из этих людей было что вспомнить и о чём подумать. Многим из них причинили большое горе те, что шагали сейчас по московской мостовой. Они шагали, побеждённые и обезвреженные: одни из них были угрюмые, другие заискивающе и весело поглядывали по сторонам, испытывая животную радость сохранённой жизни. Но ещё недавно они шли по дорогам войны и убивали наших людей, и грабили наши города и сёла, и сжигали наши дома. Это помнит каждый из нас. Они принесли на цветущую нашу землю кровь и смерть, пожары и разрушение. Они шли сейчас, не по-солдатски — опустив плечи, повязав головы от солнца платками, расстегнув куртки на груди. Они таращили глаза на Москву. Они не без опаски поглядывали на старух, женщин и детей — на мирных московских жителей, стоявших вдоль тротуаров. Для них война кончена. Но мы глядели на них и видели кровь на их руках, кровь наших мужей, наших братьев.

И всё же никто из людей, пришедших сюда, чтобы увидеть своими глазами пленных врагов, не позволил своей душе ничего громкого или резкого, что выразило бы его чувства.

Один из немцев, видя, что ему ничто не угрожает, вдруг выдал на своём лице лживую улыбку. Впереди немца на золотистой лошади прекрасных кровей ехал конвоир с шашкой наголо. Лошадь перебирала тонкими ногами, всадник сидел, как влитой, с румяным чистым лицом. Немец всё продолжал лживо улыбаться, глядя на толпу. В рядах зрителей спокойный мужской голос негромко сказал:

— Посмотреть на наших ребят — красавцы, да и только. А рядом шагает такая мразь — как их земля держит, честное слово!..

И опять голос той же старухи сказал:

— Гляжу на них — и не знаю, как проклясть за всё наше горе...

Колонны шли одна за другой, шествие это казалось бесконечным. Дул свежий ветер, лёгкие облака плыли в небе. От бульвара тянуло запахом лип. А по широкой мостовой всё шли, всё двигались серые шеренги.

И вот, наконец, последний ряд повернул и исчез за углом. Мостовая опустела, только вдали была видна исчезающая, тающая, тёмная волна. Потом раздался грохот, лязг, шипение — и целый отряд машин для мойки выехал на улицу.

С силой вырвалась первая струя воды и засверкала под солнцем; машины шли посредине мостовой, гладкие, блестящие. Прохладная чистая вода, шумя, двигалась по ней, смывая пыль и грязь, оставленную немецкими сапогами.

БЕРЕГ МАКЛАЯ

С. Марвич

Рисунки М. Маризе

Рассказ

По вечерам, когда на свет масляной лампы слетались гигантские жуки, он исписывал страницу, бывало, и меньше. Папуас Туй смотрел с любопытством. Миклуха-Маклай, его друг из неведомой страны, открывал тетрадь, защищённую такими прочными крышками, что их не могли проточить муравьи, день и ночь ползущие вверх по сваям в хижину.

Путешественник, добравшийся под парусами триста шестнадцать суток из Кронштадта в эту бухту, хотел быть строгим, как математик, в описаниях не знакомого никому мира.

Однажды Туй поразился гневному разговору, который вёл Маклай с европейцем — единственным гостем, приехавшим сюда в эти годы из далёких стран. Маклай, добрый со всеми человек, вдруг стал непохож на себя. Он очень сердился на гостя, и гость сердился. Туй это понял.

Когда гость лёг спать, Маклай достал тетрадь, молча сидел над ней, качал головой, хмурился и ничего не написал. Туй бесшумно вышел из комнаты. Он почувствовал, что доброму «казану» — другу — надо остаться одному.

— Испорченный день, — сказал Маклай, закрывая тетрадь.

Испортил его этот чужой, ненужный человек, который спит на ящиках за перегородкой.

Он приехал вчера. Из-за мыса показался урумбай — туземная лодка с домиком на палубе, с кормой и лосом, одинаково загнутыми вверх.

В подозрительную трубу Маклай увидел на палубе европейца. Это был первый европеец за все годы, что Маклай прожил здесь. Маклай обернулся к Туе, нетерпеливо показал на мыс. Туй побежал туда и поднял флаг — русский флаг на высокой мачте, которую поставили там плотники с корвета «Витязь».

Маклай дважды выстрелил из ружья. Он видел в подозрительную трубу, как европеец быстро прошёл на нос, вскинул ружьё и выстрелил в ответ.

И вот европеец стоит на берегу.

— Меня зовут Отто Финш. Я рад видеть вас, господин Маклай. Я слышал о вас.

Финш высок и дороден несмотря на молодые годы. У него закрученные, будто нагретые усы, широкая, как раскрытый зонтик, соломенная шляпа, два револьвера в кобурах у пояса.

Маклай почувствовал необъяснимое беспокойство.

— Итак, мы идём по берегу Маклая, по новой стране, в Новой Гвинее, — говорил Финш, шагая к хижине. — Очень, очень интересно! Вам повезло. Новых стран почти не осталось. Вас избрали королём.

— Что? — Маклай остановился. — Королём? Откуда эти сплетни? Я не искатель приключений.

— Мне сообщило одно лицо в Батавии. О, к вам относятся сочувственно! Это не было бы приключением. Вы могли бы взять над ними власть, — он указал на Туя.

— Я приехал не для того, чтобы взять над ними власть. Я учёный, так же как и вы.

— Но это такой удобный случай. Ведь у этой земли нет хозяина.

Обед затянулся. Финш говорил много и обстоятельно.

— Да, конечно, это скорее хижина отшельника, чем дворец. Но всё же вы недурно устроились, дорогой Маклай.

У Финша оказалось так много вопросов. Она заняли целый день. Он был вежлив, но настойчив. Маклай показал ему свой словарь, и Финш сделал много выписок. Затем он занялся уточнением своих карт. Далеко ли проникнул Маклай в глубь острова? Значит, горы обитаемы. Верю ли, что обнаружены признаки золотоносных руд?

— Вы уже много собрали материалов, господин Финш, — прервал его Маклай. — Где ваша коллекция?

— Какая коллекция? Ах, да. К сожалению, они остались в Батавии.

— У вас такой живой интерес ко всему. Это не мешает вашей специальности? Орнитология требует сосредоточенности. Птицы — капризный объект для изучения.

Финш внимательно посмотрел на Маклая:

— Вы очень любезны, но... я только начал, всё же я препарировал сотню птиц.

— Я мог бы поделиться с вами наблюдениями. У меня есть записи о здешних птицах.

— Буду очень обязан. А пока позвольте...

И Финш осведомился, удобны ли вот эти бухты: он водил карандашом по карте.

Утром принесли приглашение на свадебное пиршество в деревню, где Маклай был частым гостем.

Они долго шли лесом.

Из-за деревьев показались площадка хорошо знакомой Маклаю деревни. Спускавшиеся почти до земли крыши, сплетённые из выгоревших листьев пальмы, белели пятном среди ослепительной зелени бананов и словно политых кровью кустов пунцово-красной розы. На этой площадке, хорошо защищённой от ветра, сегодня царил оживление. Не смолкая, бил глухой барабан, переливались пронзительные трели дудок. Голые дети бегали из конца в конец площадки. Взрослые сидели по краям и степенно разговаривали.

Их встретили с почётом. Усадили на новую циновку. Все с любопытством глядели на Финша.

— Каван Маклай, друг Маклай? — спросил один из стариков. — Твой спутник — также тамо-руссе?

— Так они меня звали сначала, — объяснил Маклай. — Тамо — на их языке — «человек». Ему хочется знать, не русский ли вы, как я.

— Тамо-дойч, — Финш снисходительно улыбнулся старику.

Маклай достал тетрадь, молча сидел над ней, качал головой, хмурился...

— Как же ему об этом рассказать? — задумался Маклай.

Он говорил, напрягая всё своё накопленное за несколько лет знание языка папуасов.

Им подавали рыбу на пальмовых листьях, печёный на углях пудовой плод хлебного дерева, орехи бетеля.

— Они гостеприимны, — заметил Финш, — но этот чортов барабан мне надоел! Не можете ли вы им сказать, чтобы они перестали?

— Они это делают из деликатности, но я не могу их обидеть. Свадьба — не такое частое событие в жизни человека. Привыкайте к ним, Финш, и они к вам привыкнут.

— Я бы с удовольствием пустил пулю в этот чортов барабан. У меня от него стучит в висках.

Музыканты, наконец, умолкли. Белые гости до темноты сидели на этой циновке, и к ночи пошли на берег. Их провожали до самого дома. Молодые папуасы, высоко подняв факелы, двинулись по лесной тропинке, освещая гостям путь. Ночью лес казался фантастическим. В дрожащем свете факелов выступали мохнатые шапки панданусов — странных деревьев, растущих запутанными, переплетёнными вверх корнями. Шаги людей разбудили птичье царство. Каждая птица по-своему отзывалась на эти огни, на это шествие в ночном лесу. И из всех голосов выделялся один — полный задушевной жалости, раздававшийся у самой тропинки. Это вела свою нескончаемую песнь маленькая птичка коки, выходящая шалаши на земле. Она двигалась рядом с человеком, но неуловима.

При свете факелов Туй был великолепен. Огромный, мускулистый, в пёстро разрисованном плаще из древесного луба, с ожерельем из собачьих зубов на шее, с богатыми плетёнными браслетами на запястьях, он шёл впереди, раздвигая копьём лианы, перекинувшиеся поперёк тропинки.

Ловким движением он вдруг вытащил из-за пояса совсем маленький лук, метнул стрелу поверх факелов, нагнувшись и с поклоном подал Финшу кусок плотного, величавого с блюдом шёлка с чудесными разводами, отглаженными невероятным сочетанием цветов. Шёлк подрагивал у него на руке.

— Что это? — невольно отодвинувшись, спросил Финш.

Туй улыбнулся его смущению.

— Здесь бывают такие ночные бабочки, редкая находка, почётный подарок, — объяснил Маклай.

Финш, поражённый, говорил:

— Это как в сказке... Фабельхафт... Деревья вышиной в два дома. В бабочек стреляют из лука. Это призрачно. Господин Маклай, вам не бывает здесь страшно?

— Нет. Бывало тоскливо. Но на этой самой тропинке я однажды невольно навел страх на женщину. Вы интересуетесь проявлениями страха, господин Финш? Это необычайный случай. Это было днём, вскоре после того, как я высиделся здесь. Я возвращался к себе. Меня здесь никто ещё не знал. Из-за куста вышла женщина. Она испугалась меня. Это был смертельный ужас. Женщина оцепенела, не сводя с меня глаз. И я, не подумав, что она меня не поймёт, сказал по-русски: «Не бойся». И она повторила на чистейшем русском языке: «Не бойся». Я был поражён. Услышать здесь русскую речь! Я крикнул по-английски — и она повторила мои слова в точности. Я сказал по-французски, по-немецки — она отзывалась, как эхо. Я повернул по тропинке и смотрел на неё издали сквозь ветви. Её оцепенение проходило, она провела рукой по воздуху, словно отгоняла страшное видение, и быстро пошла в другую сторону. Потом я встречал эту женщину в деревне, где мы с вами были. Я повторил этот странный опыт, но он не удался. Женщина улыбалась и не могла ответить так, как в первую встречу. Вы не скажете, что это сказка?

— О, нет! — оживился Финш. — Я могу это объяснить. Мой милый Маклай, теперь вы видите, как вы неправы. Вы не воспользовались неотразимым оружием. Вы могли властвовать неограниченно, а вас называют каваном.

— Этого я и добивался.

— Нет! — крикнул Финш, наизда-тельно подняв палец. — Европеец не должен был пренебрегать такой силой. Я не могу вас понять.

Финш доверительно взял Маклая под руку и говорил, как учитель:

— Воля дикаря растворилась в вашей воле. Страх парализовал её. Страх, ужас! Одним жестом вы могли заставить её повиноваться вам до конца, повиноваться слепо, как повиновется собака, которой вы дали пинка.

Маклай вырвал руку и пошёл один по тропинке.

— Простите, — Финш догнал его. — Почему вы оскорбились?

В голосе Финша было искреннее недоумение.

— Вы оскорбили моих друзей.

Маклай любил ночные прогулки через лес, неверный свет факелов, причудливо дрожащие очертания деревьев, птичий гомон. Он сливался с этой ночью, с этими людьми, которые могли сказать так много. Ему бывало легко и радостно. Ему казалось, что он переносится далеко-далеко назад, что перед ним начинается раннее утро жизни человека из земли; но он сзрел волшебным зрением, он глядит сквозь тысячелетия вперёд, он знает, как будет потом меняться жизнь. И он поможет этим людям.

А сегодня в этой ночи рядом с ним шагает что-то тяжёлое, давящее, о чём он давно забыл. И оно пришло в этот нетронутый лес через тысячелетия.

Спор продолжался дома. Кончился он во взаимных резкостях.

— Они способны только на повиновение. Они

Их встретили с почётом. Усадили на новую цыновку.

ничего не создали здесь от сотворения земли, — твердил Финш.

— Вы были на острове Пасхи? Это не так далеко отсюда. Вы там найдёте каменные статуи, дощечки с письменами, которых никто не может разобрать. Они написаны в те времена, когда ваши предки, господин Финш, ещё не знали, как надевать волчьей шкуру.

— Вы учились в наших университетах, господин Маклай, — вспыхнул Финш.

— Я слушал лекции Геккеля. Но в ваших университетах есть и злая наука, мрачная наука. Она будет стоить людям страданий. Её усваивают такие, как вы, Финш.

— О, мягкосердечный Маклай! Не приходилось ли вам закладывать мины вокруг дома? — съязвил Финш. — Это от большого доверия к вашим друзьям? Не закопали ли вы медные цилиндры с рукописями в землю?

— Послушайте, «тамо-дойч», — холодно оборвал его Маклай. — Но разве они могли знать, что на берег высажусь я, а не вы? У них был печальный опыт с такими... мастерами ужаса. Когда же они хорошо узнали, что здесь живу я, я снял мины, выкопал цилиндры с рукописями. Вот они. Я скорее доверю их им, чем вам.

Утром Финш благодарил за гостеприимство, приносил свои извинения. Они распростились вежливо. Но когда урумбай повернул в море, прощальный салют ему не был отдан.

Где-то в глубине пережитого осталось глухое воспоминание об этом дне. Столько ударов принял он на себя, что мог бы совсем забыть об этом. Но вот оно разгорелось, жгучее и нестерпимое. И через много лет, проведённый с Финшом, весь стал в памяти так, как будто он пережит лишь вчера.

Снова два океана отделяли Маклая от Новой Гвинеи.

Маклай был в Петербурге. Маклай лежал на больничной койке. Он чувствовал, что жизнь быстро идёт к концу. Когда-нибудь эта весть дойдёт до берега Маклая, и о нём скажут с грустью: «Маклай муэн-сен, Маклай умер». Так ему сказали о Туе, когда он в последний раз побывал на своём берегу.

Ему нет и сорока двух лет, а в зеркале он видит старика. Много он не успел сделать, но прошла ли бесплодно его жизнь? Он верил, что нет. Тот, кто будет дальше изучать эту страну, этих людей, не обойдётся без него.

Но сегодня Маклай застонал от острой боли. Врач поспешил к нему:

— Вам худо?

— Прочтите...

Он протянул врачу газету. Из Берлина сообщалось, что Германия объявила берег Маклая своей колонией, что туда направилась эскадра.

Нестерпимо было узнать об этом. Он мечтал, чтобы такие же люди, как он, поехали с ним туда, чтобы там, где природа по-царски вознаграждает каждое разумное усилие человека, они жили в сообществе с детьми и братьями Туя. Над ним смеялись, словно он звал людей на лузу. Кому же он открыл дорогу?

— Там Финш! — дрожа от возбуждения, говорил Маклай врачу. — Финш будет там. Да, да, я знаю: он подал доклад Бисмарку. Финш обокрал меня. Сколько он принесёт туда зла!

В этот день больному было так плохо, что врач послал за женой.

Она пришла встревоженная, но смогла подавить волнение. Она сидела у изголовья больничной койки, почти девушка на вид, мать двух маленьких сыновей Маклая, брала его руку в свои, и Маклай успокаивался. Она откидывала с горячего лба его кудри, теперь уже сплошь седые. Маклай глядел в эти глаза, ясные и глубокие. Как хорошо было чувствовать, что она понимает его во всём!

— Маргарет, — тихо сказал Маклай. — Они отняли мой берег. Они оскверняют его зверством, жадностью. Но я... не могу оставить без ответа. Поверь, Маргарет, это не жест. У меня есть право. Я заслужил его. Если бы я спросил там... на берегу, они бы сказали: «Маклай, говори за нас всех».

И он вынул из книги сложенную записку.

На почтамте поразились содержанием телеграммы, которую подала в окошко молодая женщина. И чиновник куда-то бегал, прежде чем принести телеграмму к отправке. Таких слов ему никогда не случилось передавать. На листе бумаги было написано:

«Берлин. Канцлеру Бисмарку. Туземцы берега Маклая протестуют против присоединения их к Германии».

А в больнице «тамо-русс» лежал лицом к широкому окну, за которым медленно вечерело. Маклай знал такие дни. Он мучительно любил бледный край северного неба, озорных воробьёв, которые стучат клювом о стёкла, едва уловимый, проникающий всюду запах весны. В такие дни его тянуло в далёкие странствия. Он задумчиво смотрел на реку, где стояли вмёрзшие в лёд пароходы, баржи с такими же домиками на палубе, как на урумбаях. Во льду чернели разводья. Весна разгоралась. Чайка носилась над рекой. Она чуяла, что скоро рванёт тёплый ветер и ветер сломает тяжёлый, набухший лёд.

НА ЗАПАД

А. Твардовский

Всё, как тогда, в то лето злое:
И жёсткий шорох пыльных трав,
И ветер, дышащий золою,
И грохот бомб у переправ,
И блеклый хворост маскировки,
И жаркий, жадный ход машин,
И пеший раненый на бровке, —
И он, наверно, не один...

И вздох орудий недалёкий,
И гул шоссе моста,
И тот же стон большой дороги,
И те же самые места:
Низины, дробные сосёнки,
Где, отмечая срок войны,
Трёхлетней давности воронки
Меж новых, нынешних, видны.

И жжёной жести тот же запах,
И пепелищ угарный дым...
Но только — мы идём на Запад.
Мы наступаем. Мы громим.

Мы бьём его, что день, то пуще,
Что час, то злей и веселей,
В хвосты колонн его бегущих
Врываясь вдруг бронёй своей.

Идёт, вершится суд суровый,
Священна месть, и казнь права.
И дважды, трижды в день громово
Войскам салюты шлёт Москва.
И отзвук славы заслуженной
Гудит на тыщи вёрст вокруг.
И только плачут наши жёны
От счастья так же, как от мук.

И только будто зов несмелый
Таят печальные поля,
И только будто постарела,
Как в горе мать, сама земля.
И рост, и доброе цветенье
Всего, что водится на ней,
Как будто строже и смиренней,
И сердцу русскому больней.
Вот дождик вкрадчиво прокрапал.
Как тонок грустный дух сенца!..

Войска идут вперёд на Запад.
Вперёд на Запад. До конца...

Я УХОЖУ НА ФРОНТ

Мустай Карим

Отец привёл мне своего коня.
Скажун дрожал, он был горяч надиво,
Копытом в землю бил нетерпеливо,
А мать вручила дедовский клинок,
Чтоб головы врагов рубить я мог.

Я ухажу, товарищи, на фронт.
Отец, пускай в семье никто не тужит,
Абзуд твой верный правдой мне
послужит;
Клинок, слезой твоей омытый, мать,
Меня в сраженьях будет защищать.

Я ухажу, товарищи, на фронт,
Чтоб стариков текала спокойно старость,
Чтоб нашим девушкам краса осталась,
Чтоб наш Урал всегда стоял могуч
И чтоб над Белой не сгущалось туч.

Товарищи, я ухажу на фронт
За ту весну, что навсегда настанет,
За дивный сад, которым край наш
станет,

За маленького сына моего
И родины любимой торжество.

С башкирского перевёл
Марк ШЕХТЕР

ПУТЕШЕСТВИЕ ФРИЦА ЛАВЕНА В РОССИЮ И ОБРАТНО

(924 фотоснимка немецкого унтер-офицера)

Б. Изаков и Мих. Матусовский

Как известно, немцы страшно любят фотографироваться. С тупой немецкой старательностью они собирают свои снимки в конвертах, бумажниках, полевых сумках и чемоданах. Нашёлся такой фриц — Фриц Лавен, который завёл даже целый фотоальбом. С самого начала войны он вклеивал туда снимки. Их набралось 924. Вероятно, их было бы ещё больше, если бы немецкий фотограф-любитель не перестал снимать раз и навсегда.

«Наш снайпер залёг за крутой бугорок, Пробравшись к переднему краю, Увидел врага и, спуская курок, Воскликнул: «Спокойно, снимаю!»

Альбом Фрица Лавена — это увесистая книга в сафьяновом переплёте, особенно замысловатом. И каких только снимков нет в этом альбоме! Вот Фриц Лавен жрёт. Судя по количеству фотографий, посвящённых еде, это — его любимое занятие. Вот Фриц Лавен — с автоматом и в каске; Фриц Лавен — без автомата и каски; Фриц Лавен у креста, под которым зарыл его приятель обер-ефрейтор Лейерс; Фриц Лавен — возле рогной кухни, верхом на свинье, и Фриц Лавен — пьяный на собственной постели.

Как в кино, проходит перед нами жизненный путь одного фрица: от лёгкого марша по полям Франции — до немецких автоколонн, разбитых на дорогах России, от парада в Касселе — до могил в Смоленске. Поучительная галерея!

На одном из первых снимков изображена пара сапог с подписью: «Мои сапоги!» В этих сапогах Фриц Лавен думал обойти всю Европу, весь мир. Он мечтал, что земля, истоптанная его сапогами, навсегда станет немецкой. Интересно, при бегстве из какого русского города Фриц потерял подметки этих сапог?

В лагере Имменгаузен, под Касселем, стоят навтыжку шеренги гитлеровской шпаны. Они слушают приказ о наступлении в Россию. Лица расплылись в довольных улыбках. Лавену и его друзьям казалось, что им не угрожает никакая опасность. Местечко было тёплое, часть тыловая, не предназначавшаяся для участия в боевых действиях. То-то будет приятная прогулка!

И вот мы видим дымящиеся развалины Бреста, руины Минска, пепелища Смоленска. С холодным равнодушием поджигателя Фриц Лавен снимает опустошённые дворцы, взорванные театры, сожжённые дома, поруганные памятники.

Но чем дальше забирается Лавен в глубь России, тем чаще появляются на снимках ряды крестов. Здесь и каменные — офицерские, — и простые, берёзовые — солдатские, — кресты пленные и безымянные, индивидуальные и общие. Приятная прогулка не состоялась. Даже тыловые немецкие части стали нести большие потери.

На одной из страниц мы видим собутильника Лавена — ефрейтора Гоппе — в трёх различных позах. В четвёртой, и наиболее «интересной», Гоппе снят под крестом с надписью: «Ефрейтор Оскар Гоппе, убит в 1943 году».

С каждым днём всё меньше фотографий живых приятелей Лавена, всё больше покойников. Думали ли они об этом, когда, ухмыляясь, слушали под Касселем приказ о марше в Россию?

В альбоме есть сентиментальные фотографии собачек и птичек, сусальные рождественские ёлочки, немецкие фрау под вишенкой. И рядом со всей этой немецкой дребеденью — виселицы, трупы истерзанных советских женщин, замученных красноармейцев, повешенных стариков и детей. Немец Фриц Лавен показал здесь свою волчью морду. То издали, то

крупным планом, почти у ног мертвецов, щёлкает он аппаратом. Над виселицами и трупами своих жертв аккуратно почерком он вырисовывает: «Они же хотели работать на Германию!»

В день последнего суда над фашистской Германией эти снимки Лавена рядом с тысячами других изобличающих документов лягут на стол народного обвинителя!

Далеко зашёл Фриц Лавен! Вслед за Борисовым и Смоленском ему удалось сфотографировать Вязьму. Он успел отхватить два железных креста и медаль за восточный поход. Его повысили в чине; он прекрасно проводил время в Жлобине за кувшином шнапса.

Но постепенно стали нарастать неприятности. Всё яснее показывалась оборотная сторона восточной медали. Прежде всего не давали житья партизаны. То и дело приходится Фрицу Лавену снимать похороны немецких солдат и офицеров. Он вынужден даже отвести в своём альбоме отдельный уголок под заголовком: «Успехи партизан». Здесь запечатлены паровозы и вагоны, пущенные под откос, разбитые гранатами машины, сожжённые партизанами казармы. Немало страха нагнали русские люди на немцев.

От ударов Красной Армии посыпались у разбойников искры из глаз. Пройденные места замелькали снова в альбоме — как будто киномеханик стал крутить ленту в обратном порядке. Опять Смоленск, снова Белоруссия — Гомель, Минск. Но каждый город представлен сейчас двумя — тремя снимками. На этот раз Лавен не задерживается подолгу на одном месте.

Чаще всего начинают фигурировать погрузки в поезда и посадки на автомашины. Лавен торопится выписывать немецкими буквами хорошо заученное русское слово:

«Поехали!»

Новые снимки всё больше отличаются от фотографий 1941 года. Марширующих фрицев и барабанного боя как не бывало. Тот же фотообъектив, та же немецкая фотобумага, но с фотографий глядят на нас уже другие немцы. Где их былой, лохмёный вид, где их наглые и самодовольные улыбки? Мундиры заметно оборвались, а морды заметно помрачнели. Таких фрицев наши бойцы называют «капутниками». Печать отступления, печать обречённости легла на гитлеровскую армию, на её офицеров и солдат. Она безудержно «блицует» к границам, которые посмела переступить.

И вдруг Фрицу Лавену повезло. Ему удастся получить отпуск домой, на родину, в Дунсбург. Но и там его ждёт разочарование. Английские самолёты точка в точку разбомбили жильё разбойника. От дома Лавена

Здесь на точном снимке Фрица Сняты близкие друзья: До чего похожи лица — На свинье сидит свинья.

осталось одно крыльцо. Лётчики называют это прямым попаданием. Незадачливому фотографу остаётся только заснять мусорную кучу и подписать под снимком: «Отчий дом в Дунсбурге».

И снова советско-германский фронт. Железные и шоссейные дороги. Паровозы и машины. Лавен явно не поспевает со своим фотоаппаратом за бешеными событиями, перемещающимися на запад...

На этом и оборвалось путешествие в Россию и обратно немецкого фотографа-мародёра. Он отобразил в своём альбоме путь гитлеровской армии: она катится обратно к границам Германии под нашими ударами, теряя по пути людей, танки, орудия, ордена, медали, амбицию и фотоальбомы.

Жил да был ефрейтор Гоппе, Он прошёл по всей Европе, Но, дойдя до наших мест, Получил на память крест!

Здесь снят весьма приятный вид: Обломки стен и куча пыли.

Пока разбойничал бандит Его берлогу разбомбили.

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Ереван (Эривань)

О возникновении городов Ереван (Эривань) и Нахичевань существует следующее интересное народное предание: будто бы во время всемирного потопа ветхозаветный Ной выпустил из ковчега голубя, чтобы узнать, что происходит на земле. Голубь вернулся с масличной ветвью. Тогда Ной открыл двери ковчега, увидел обширную уже высохшую равнину и воскликнул: «Эривань!» — что означает: «Земля видна!». На этом месте впоследствии и была основана Эривань. Ной оставил ковчег на вершине горы Арарат, а сам направился к югу. Не дойдя до реки Аракс, он остановился и первому месту своей стоянки дал название «Нах-хи-че-вань», что означает — «первый путь земной» (после всемирного потопа). Впоследствии здесь возникла Нахичевань.

До революции Эривань представляла собой небольшой губернский город с населением около 30 тысяч человек, а Нахичевань — совсем маленький уездный городок Эриванской губернии. Теперь Ереван — столица Армянской ССР, крупный промышленный и культурный центр, «город садов», прозванный так за изобилие древесных насаждений.

Нахичевань теперь — центр Нахичеванской АССР с высокоразвитой сельскохозяйственной промышленностью, созданной уже при советской власти.

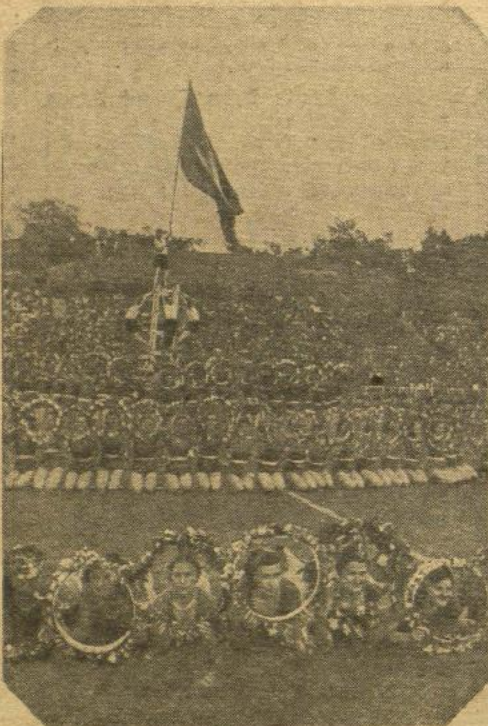
Баку

В Баку имеется древняя «Девичья башня», о которой существует интересная легенда. В старину Баку назывался «Бахтуба», что означает «страна ветров». Правил городом могучий и жестокий хан. Ему понравилась одна девушка, и он решил на ней жениться. Но у неё был жених, которого она очень любила.

Несмотря на мольбы девушки хан продолжал настаивать на своём. Тогда она сказала, что выйдет за него замуж, если он выстроит для неё на берегу моря высокую башню. Хан исполнил желание девушки. По его приказу была воздвигнута величественная башня.

В день окончания постройки назначили свадьбу. Но гордая девушка не изменила своему прежнему любимому жениху. Она заперлась в башне, и когда жестокий хан перед свадьбой постучал к ней в дверь, она открыла ему и на его же глазах бросилась с башни в море.

С тех пор в память о несчастной девушке-невесте эту башню в Баку называют «Девичьей башней».

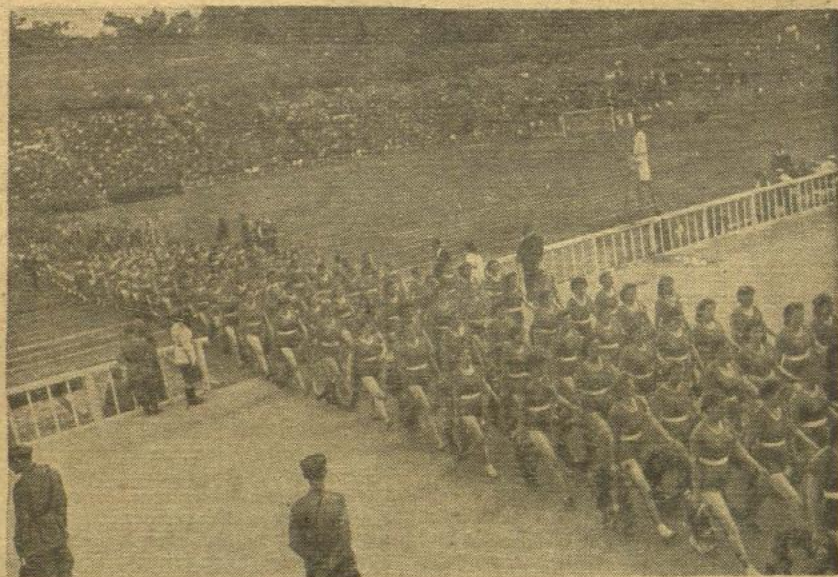

На зелёном поле стадиона зазелело красное знамя. Его подняли на красивой пирамиде, составленной физкультурниками — студентами и студентками киевских вузов. Справа: колонна физкультурников проходит мимо трибун.

Фото Н. Колли

Киевляне с интересом наблюдали, как мастера спорта демонстрировали свою выносливость, силу и умение.

Абсолютный чемпион СССР по поднятию тяжестей Яков Куценко показывает свои спортивные достижения.

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

ЖЕЛЕЗНОЕ ДЕРЕВО

В Азербайджане, в лесах Талыша, и в соседних районах Ирана растёт любопытное дерево «темир-агач» («темир» — значит железо).

Высота этого дерева — 12 метров, но встречаются экземпляры и более высокие — до 20 метров.

Его листья напоминают листья орешника, но более мелкие. Древесина темир-агача очень плотная и тяжёлая. Оттого дерево и назвали железняком.

Кора у железняка очень тонкая, похожа на нежную серую плёнку. При соприкосновении ветвей дерева

друг с другом, например при ветре, слой коры разрушается и в местах обнажения ткани ветви срываются. Происходит как бы «самопрививка» дерева.

Благодаря этому свойству из группы темир-агача нетрудно получить беседку с тельным, густым верхом. Вот почему дерево-железняк по праву считается ценным декоративным растением.

Живая изгородь-решотка, построенная из железняка, не требует ни покраски, ни ремонта. С каждым годом она крепнет и утолщается.

БАРХАТНОЕ ДЕРЕВО

До недавнего времени единственным в мире деревом, из которого можно было делать пробку, считалось пробковое дерево. Родина его — южные, экваториальные страны.

В Советском Союзе нашлось дерево, которое с успехом может заменить пробковое. Это — бархатное дерево. Растёт оно в прибрежной полосе Дальневосточного края. Его кора мягка и упруга; из неё можно изготовлять пробки, изоляционные плиты, набивку для спасательных поясов и т. п. Его древесина отличается красивым, бархатным оттенком.

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ...

...что русские войска в течение полутора столетий, с середины XVIII века по конец XIX, побывали в Берлине, Париже, Брюсселе, Риме, Варшаве, Бухаресте, Софии и в Гельсингфорсе.

...что впервые человек из киевских гор поблизился к двадцати тысяч лет тому назад, ещё в каменном веке; остатки этого поселения найдены на Кирилловской улице в Киеве.

...что за двадцать пять лет до того, как Васко де Гама открыл морской путь в Индию (1498 год), сюда совершил путешествие через Иран тверской купец Афанасий Никитин, открывший сухопутный путь в Индию.

Отв. редактор М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А5238.

2½ печ. л.

Подписано к печати 15/VIII—44 г.

Изд. № 510.

Тираж 100.000.

Заказ 1681.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Помещаемая ниже партия играана в финале XIII первенства СССР по шахматам и премирована специальным призом как одна из трёх лучших партий турнира.

Партия № 18

Ферзевый гамбит

Макогонов	Равинский
(белые)	(чёрные)
1. d2 — d4	d7 — d5
2. c2 — c4	c7 — c6
3. c4 : d5	c6 : d5
4. Kb1 — c3	Kg8 — f6
5. Kg1 — f3	Kb8 — c6

Так называемый «ещский» дебют 4 коней.

6. Cc1 — f4	Os8 — f5
7. e2 — e3	Fd8 — b6

Мало удачный выпад ферзём, без особого вреда можно было продолжить симметрию ходом 7... e6.

8. a2 — a3

Предлагая «данайский» дар, от принятия которого следовало бы воздержаться.

8. ...	Fb6 : b2
9. Kc3 — a4!	Fb2 — c2
10. Fd1 : c2	Cf5 : c2
11. Ka4 — c5	Kf6 — d7

Теперь выясняется, что чёрные не могут защитить пешку b7. Если, например,

11. ... b7 — b6, то 12. Cf1 — b5, Ла8 — c8; 13. Kf3 — e5, b6 : c5; 14. Cb5 : c6+, Kрe8 — d8; 15. Ke5 : f7X
--

12. Kc5 : b7	Os2 — a4
13. Cf1 — a6!	f7 — f6

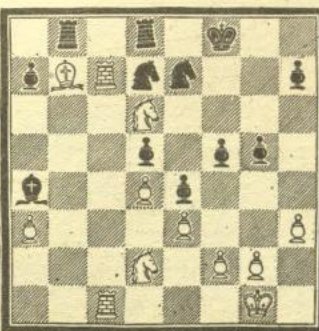
Если 13... Kd — b8, то 14. Kd6+ и Cb7!

14. 0—0	e7 — e5
15. Cf4 — g3	Cf8 — e7
16. Lf1 — c1	g7 — g5

Это ещё более ослабляет позицию чёрных, лучше было сразу 16. ... 0—0.

17. h2 — h3	0—0
-------------	-----

18. Лс1 — c3	e5 — e4
19. Kf3 — d2	f6 — f5
20. Cg3 — d6	Ce7 : d6
21. Kb7 : d6	Ла8 — b8
22. Ca6 — b7	...
22. ...	Kc6 — e7
23. Ла1 — c1	Lf8 — d8
24. Лс3 — c7	Kpg8 — f8

25. Kd6 : f5!!

Самый энергичный способ использовать своё позиционное преимущество. За коня белые получают несколько пешек при неослабевающей атаке.

25. ...	Kc7 : f5
26. Cb7 : d5	a7 — a6
27. Kd2 : e4	h7 — h6
28. Лс7 — a7	Lb8 — b6
29. Лс1 — c7	Kpf8 — e8

Угрожал 30. Kc3

30. Ke4 — c3	Lb6 — d6
--------------	----------

Несколько лучше было

30... Ke7 с таким возможным продолжением: 31. Cf7+!

Kр : f7	32. K : a4. Ld6
33. Kc5, Kрe8; 34. Kb7, Ld5;	
35. K : d8, Kр : d8; 36. Лс3	с преимуществом у белых.

31. Cd5 — e4	Kf5 : d4
32. e3 : d4	Ld6 : d4
33. Ce4 — g6+	Kрe8 — e7
34. Kc3 : a4	Ld4 : a4
35. Cg6 — f5	Ла4 — d4

НАУКА И ТЕХНИКА

«ВЕЧЕТЕ»

Честь создания экипажа, который питается электроэнергией без проводов, принадлежит советскому изобретателю, доктору технических наук, лауреату Сталинской премии Г. И. Бабату.

Сконструированная им машина лишена обычного бензинового двигателя. Место последнего под капотом занял электромотор. На крыше кузова установлен большой медный виток. Он находится на расстоянии метра от подвешенного над ним провода.

Испытания оригинальной машины, которые проводились на одном московском заводе, дали положительные результаты.

Как же электрический ток преодолевает пространство и даёт поступательное движение экипажу названного изобретателем «вечете» (что означает высокочастотный транспорт)?

— В технике, — рассказал нам тов. Г. И. Бабат, — широким распространением пользуется трансформатор. Он преобразует электрическую энергию, направляет и

регулирует напряжение тока, поступающего по проводам.

Как известно, трансформатор смонтирован из двух сходных по конструкции проволочных катушек: первичной и вторичной. Они отделены друг от друга пространством в несколько сантиметров и могут отличаться числом проволочных витков. Когда в первичную обмотку пропускается переменный электрический ток, вокруг витков этой обмотки рождается переменный магнитный поток. Он усиливается железным сердечником, установленным в катушки. Пронизывая свободное пространство между ними, магнитные силовые линии потока пересекают витки вторичной обмотки. Это рождает в ней необходимую электродвижущую силу.

Механизм высокой частоты является, по существу, таким трансформатором. Он передаёт энергию на расстоянии при помощи электромагнитной индукции. Провода играют роль первичной обмотки, они несут энергию от генератора. Вторичной обмоткой служит медный виток—приёмник на крышке или под кузовом экипажа. Расстояние между обмотками составляет не несколько сантиметров, а доходит до полутора метров. Если в первичную обмотку — медные провода, находящиеся под дорогой, — пропускать ток высокой ча-

стоты, то над ней образуется зона, насыщенная энергией. Эта зона представляет собой мощную «силовую реку». Остается только полной горстью «зачерпнуть» и направить этой энергией двигатель экипажа.

Таким «черпаком» является вторичная обмотка — виток-приёмник. Укреплённый внизу экипажа, виток как бы всасывает в себя энергию. Магнитные силовые линии пересекают виток и возбуждают в нём ток высокой частоты.

Энергия зачерпнута, без контакта переброшена от тяговой сети. Требуется лишь подвести её от витка к двигателю. Этой цели служит обычный электромотор постоянного тока. Выпрямитель преобразовывает ток высокой частоты в постоянный.

Кроме того экипаж имеет батарею аккумуляторов. Независимый, так сказать «подсобный» источник энергии позволит машине отъезжать на несколько километров от «силовой реки». Когда иссякнет запас энергии аккумуляторов, его можно будет без труда подзарядить.

Несложно управление новой машиной: оно состоит из руля, тормозной педали и рычага — регулятора скорости.

Юрий Шатуров

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» В. Маркцев

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Физкультурное общество в СССР.
2. Металлический денежный знак.
3. Превеличенное самоназвание.
4. Молочный продукт.
5. Продукт бумажного производства.
6. Часть стиха.
7. Краска.
8. Река на Кавказе.
9. Плоскогорье.
10. Один из героев произведения Фурманова «Чайка».
11. Плеть.
12. Совершенство.
13. Единичная измерения сыпучих тел.
14. Столярный инструмент.
15. Мифологическое божество.
16. Набор посуды.
17. Драгоценный камень.
18. Химический элемент.
19. Название оперы.
20. Принадлежность художника.
21. Музыкальный инструмент.
22. Передний край сцены.
23. Укрепление.
24. Английский писатель.
25. Национальность.
26. Продукт хлопка.
27. Народный певец Казахстана.
28. Компанное украшение.
29. Военный термин.
30. Работник искусства.
31. Созвучие.
32. Гора на Кавказе.
33. Далёкое прошлое.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Определённый отрезок времени.
2. Вода, насыщенная солью.
3. Наказание.
4. Мельчайшая мера длины.
5. Тонкая батичная ткань.
6. Цветок.
7. Судно.
8. Судно.
9. Учёный.
10. Певческий коллектив.
11. Судья.
12. Произведение Новикова-Прибоя.
13. Кухонное оборудование.
14. Город-курорт в СССР.
15. Населённый пункт.
16. Остров в Средиземном море.
17. Огнестрельное оружие.
18. Изображение.
19. Музыкальный инструмент.
20. Животное.
21. Сельскохозяйственная машина.
22. Время года.
23. Экипаж.
24. Название оперы.
25. Северная полярная область.
26. Хищный зверь.
27. Выход, конец.
28. Часть света.
29. Корень-плод.
30. Отпечаток.
31. Трикотаж.
32. Химическое вещество.
33. Болезнь.
34. Путь судна.
35. Горная порода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 27 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Мусоргский.
2. Орфография.
3. Иск.
4. Потап.
5. Атака.
6. Озон.
7. Ареопак.
8. Амур.
9. Кар.
10. Нерв.
11. Стчка.
12. Аобест.
13. Редиска.
14. Ия.
15. Магнит.
16. Аврора.
17. Яр.
18. Бах.
19. Зан.
20. Яма.
21. Ломоносов.
22. Сократ.
23. Гоголь.
24. Лермонтов.
25. Бор.
26. Кав.
27. Кап.
28. Ик.
29. Валюта.
30. Липут.
31. Фа.
32. Орхидея.
33. Лакмус.
34. Темляк.
35. Трюм.
36. Гавр.
37. Омар.
38. Маринад.
39. Киев.
40. Невод.
41. Ангчар.
42. Туя.
43. Экскаватор.
44. Стрептоид.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Дубровский.
2. Орион.
3. Сказка.
4. Ил.
5. Космос.
6. Ре.
7. Октава.
8. Рука.
9. Литература.
10. Пожар.
11. Кречет.
12. Панника.
13. Ампер.
14. Ар.
15. Ге.
16. Крах.
17. Заря.
18. Риголетто.
19. Автономия.
20. Мамаев.
21. Автомат.
22. Корма.
23. Война.
24. Акр.
25. Кол.
26. Библиотека.
27. Рагу.
28. Купе.
29. Чайковский.
30. Аромат.
31. Дергач.
32. Океан.
33. Алжир.
34. Строфа.
35. Тренинг.
36. Юм.
37. Ритуал.
38. Ад.
39. Реп.
40. Кант.
41. До.
42. Ют.

